

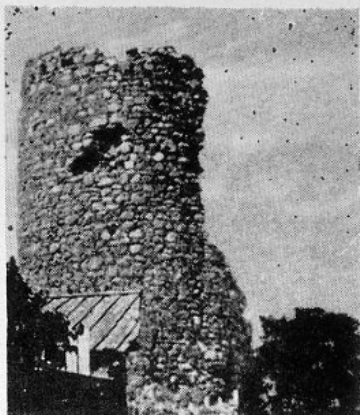

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА

**Н. КОГОНАШВИЛИ
О. МАХНЕВА**

АЛУСТОН И ФУНА

КАРТА АЛУШТИНСКОЙ ДОЛИНЫ

К. КОГОНАШВИЛИ
О. МАХНЕВА

АЛУСТОН И ФУНА

Издательство „КРЫМ“
Симферополь — 1971

Книга, которую вы держите в руках, — не повесть о двух влюбленных, как можно предположить по заглавию. «Алустон и Фуна» — это рассказ о средневековых крепостях Алуштинской долины, об исторических судьбах населения Южного берега Крыма в далекую пору средневековья.

Историк К. Когонашвили и археолог О. Махнева не ограничились использованием печатных и архивных материалов. Эта книга — в значительной мере результат новейших, еще не опубликованных археологических исследований, в том числе и тех раскопок и разведок, которые были проведены самими авторами.

Гибнут царства, исчезают народы, — не исключены из этой участи и их сооружения.

А. Л. Бертъе-Делагард

Шоссе Симферополь — Алушта, вырвавшись из долины Салгира, уходит в лес и медленно поднимается на Главную гряду Крымских гор. Когда многокилометровый подъем уже позади, на обочине дороги возникает чугунная доска с надписью: «Высота над уровнем моря 752 м».

Ангарский перевал преодолен. Отсюда на юг открывается величественная панорама: далеко впереди сверкает безбрежное море, а убегающую вниз холмистую долину, украшенную свечами кипарисов и тополей, амфи-

театром окружают горы. Среди них своей монументальностью и красотой форм выделяются Северная и Южная Демерджи и Чатыр-Даг (Палат-гора).

У самого моря цепь вершин заканчивается невысокой лесистой горой Кастель, что в переводе на русский язык значит «крепость». Такое название не случайно. Некогда на горе существовало укрепление, остатки которого видны и теперь.

В районе Алуштинской долины это укрепление далеко не единственное. В средние века для охраны побережья и дорог, ведущих в центральную часть полуострова, возникает ряд крепостей: в VIII—X вв. — на горе Пахкал-Кая, позднее — Фуна у подножия Демерджи.

Наиболее значительным и самым ранним в Алуштинской долине было приморское укрепление, известное под названием Алустон, или Алуста*. Возникло оно примерно в середине VI в.

На перевалах видны следы и других оборонительных сооружений, так называемых «длинных стен», сооруженных в VI в. нашей эры. Стены эти небольшой ширины — всего от 1,8 до 2,0 м, высота их, в разных местах различная, не превышала 3—3,5 м. Естественно, выдерживать длительную осаду они не могли, их основной задачей было задержать вторжение на побережье конных отрядов степняков. Действительно, построенные на крутых гребнях гор, стены эти представляли для конника почти непреодолимое препятствие. «Длинные стены» были возведены между Северной и Южной Демерджи, между Чатыр-Дагом и Бабуганом. Ангарский перевал защищала стена километрах в пяти к северу, в самом узком месте Ангарского ущелья.

* В документах генуэзского банка св. Георгия (XV в.) укрепление это называется Лустой (Lusta).

Укрепления, что охраняли подступы к побережью, различны как по величине, так и по своему значению. И изучены они в разной степени: одни относительно подробно, другие меньше. Между тем каждое из них интересно не только как объект исследования для историков и археологов, но и как памятник прошлого нашей Родины.

Многие курортники, туристы, едущие из Симферополя на Южный берег Крыма по широкому, удобному шоссе через Ангарский перевал, и не подозревают, что еще сравнительно недавно из бассейна Большого и Малого Салгира к морю можно было попасть только по узкой извилистой дороге, шедшей через яйлу значительно восточнее нынешней магистрали. О многих интересных событиях смогла бы поведать эта старая, выдавшая виды дорога. Надо только суметь хорошенько ее «расспросить». Попробуем же, призвав на помощь исторические источники и данные археологии, решить эту задачу.

АЛУСТОН

«Колонисты глубокой древности, бесстрашные исследователи и посельники черноморских берегов, основавшие Пантикапею, Феодосию и Херсонес, не могли... обойти такого важного пункта, как Алушта»,¹ — писал известный краевед и путешественник Е. Л. Марков*.

Древний Алустон находился на самом берегу удобной бухты и служил со стороны моря как бы воротами в богатую Алуштинскую долину. В средние века море здесь сильнее врезалось в сушу, поэтому гавань была более

* Все ссылки на литературу и источники даны в конце книги.

удобной для швартовки судов. Они заходили сюда и потому, что Алустон расположен в очень подходящем для выгрузки товаров месте — на перекрестке важных дорог того времени. Из Алустана легко было пройти вдоль Южного берега до Горзувит, как называли тогда Гурзуф, и далее на юго-запад, вплоть до Херсона (Херсонеса). В другую сторону, на восток, шла почти по самому берегу дорога в богатую Сугдею (современный Судак), а оттуда в Кафу (Феодосию). Из Алустана же вели основные пути с Южного берега на север, в степной Крым: через Кебитский и Ангарский перевалы, а также между Северной и Южной Демерджи — по плоскогорью, что носит теперь название Долгоруковской яйлы.

Удобство географического положения Алуштинской долины и бухты побудило византийцев основать здесь крепость, остатки которой сохранились до наших дней.

СТАРАЯ БАШНЯ

Когда троллейбус, завершая свой путь в Алушту, разворачивается к остановке у билетных касс, люди, приехавшие сюда впервые, обращают внимание на круглую башню, которая гордо возвышается над окружающими зданиями. Это одна из башен грозной некогда крепости, воздвигнутой в далекие времена раннего средневековья.

Если с улицы Пятнадцатого апреля, которая проходит рядом, свернуть в узенькую улочку имени Володарского и пройти по ней шагов 30, можно увидеть остатки другой, четырехугольной башни. Сохранились они хуже, едва до пяти метров в высоту. Но кладка башни вместе с небольшой частью стены, укрепленной мощными контр-

Средневековая башня в Алуште.

форсами, видна настолько хорошо, что можно ясно судить о строительной технике раннего средневековья. Расстояние между обеими башнями по прямой достигает 60 м.

Примерно на таком же удалении от четырехугольной, но под углом в 50 градусов влево, находилась третья, шестиугольная, или «рогатая», башня. Она охраняла главные крепостные ворота. От нее в настоящее время почти ничего не осталось, но место, где находилась эта башня, известно — в районе улицы Верхней.

В юго-западной части укрепления располагалась цитадель, или «верхний город», обнесенный дополнительной стеной. Здесь была главная твердыня крепости.

Одним из первых обратил внимание на эти развали-

ны академик Петр Иванович Кеппен². Он посетил Крым в первой половине XIX в., когда крепость сохраняла еще в какой-то степени свой первоначальный вид. Это дало возможность П. И. Кеппену сделать обстоятельный план укрепления и дать его описание.

В. Х. Кондараки в своем «Универсальном описании Крыма»³, вышедшем в 1875 г., отмечает, что алуштинское укрепление «ныне только в немногих местах сохранило наполовину свои башни и фундаменты окружающих стен».

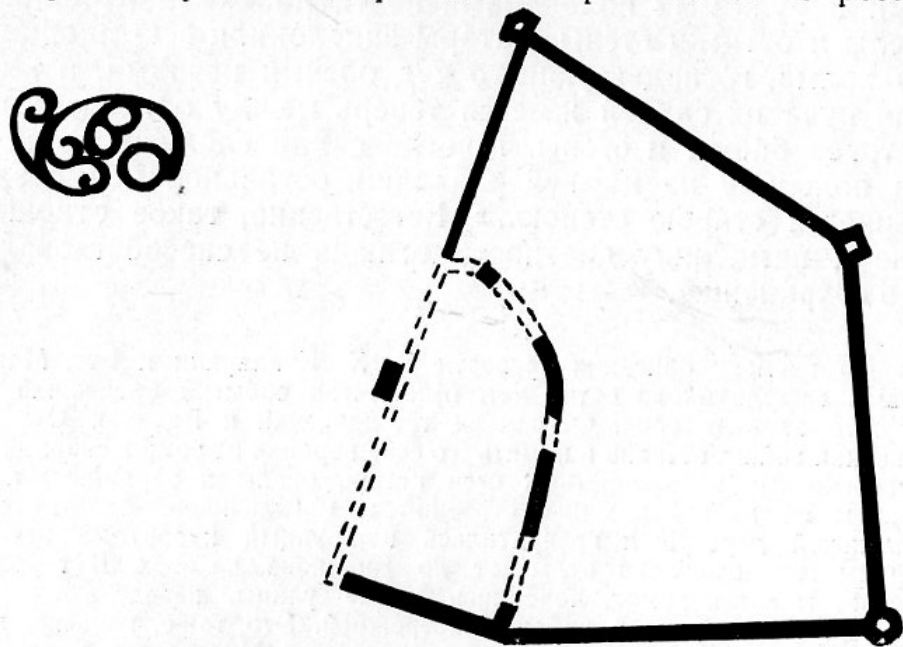
Интересное описание остатков крепости дает Евг. Марков¹. «Замок Алустон, — пишет он в своих «Очерках», — сохранился яснее многих развалин древнего Крыма. Три высокие башни, будто расколотые молнией, уцелели своими наружными половинами почти до самой вершины. Целы и остатки стены. Татары запленили всю площадь холма, господствующего над обеими речками, и тесная куча их саклей жмется теперь между обглоданных остовов башен и стены. Многие сакли сложены только на половину из камней развалин, остальное прямо заменяется старою стеною...» Естественно, такое отношение к памятнику древности отнюдь не способствовало его сохранению.

Со времени описания крепости В. Х. Кондараки и Евг. Марковым минуло около сотни лет. Множество событий произошло в Алуште за этот срок. Отгремели гражданская и Великая Отечественная войны, оставив в память о себе воронки от бомб и снарядов, вывороченные из крепостных стен камни, окопы и орудийные капониры на местах древних строений и могильников. Алушта из маленькой деревушки превратилась в крупный курортный центр страны, где ежегодно отдыхает до миллиона человек. В городе построены сотни домов, появились новые улицы, переделана приморская его сторона в районе Набережной. Это тоже, конечно, не могло не отразиться на состоянии памятника. Многие его части, в том числе «рогатая» башня, были полностью уничтожены.

Однако и в настоящее время можно заметить куски крепостной стены, использованные местными жителями для ограждения своих усадеб. До сих пор видны крепиды террас на склоне горы в старом районе города. Но пройдут годы, и эти остатки укрепления тоже могут исчезнуть в связи с предстоящей перепланировкой и реконструкцией города-курорта, если мы не сумеем их сберечь.

Советское правительство, местные органы власти, следуя указаниям В. И. Ленина о необходимости тщательной охраны памятников истории и культуры, принимают все меры к сохранению алуштинской средневековой крепости. На Круглой башне установлена охранная доска, запрещающая ее разрушение. Башня неоднократно ремонтировалась, проводились работы по ее реста-

План крепости Алустон.

рации. Естественно, сохранить весь памятник не представляется возможным: он занимает слишком большую площадь внутри города. Поэтому возникала и будет возникать необходимость разрушения некоторых неглавных и неэффективных его частей. Но это не будет варварским и слепым уничтожением памятника, когда бесследно исчезает свидетель исторического прошлого. Подлежащие застройке участки сперва тщательно изучаются историками и археологами, а уж после этого поступают в распоряжение строителей.

Результаты предварительного изучения памятника позволяют сделать некоторые выводы и представить хотя бы в общих чертах историческую картину возникновения и довольно длительной жизни Алуштинской крепости и поселения, выросшего вокруг нее. Это и есть своего рода увековечение памятника истории. Ученые, прежде всего археологи, получают возможность воссоздать такие черты прошлого, как быт обитателей города и крепости, их занятия, степень зажиточности, имущественные различия и многое другое. Но если историки часто обращаются за помощью к археологам, то и последние не всегда могут верно восстановить, реконструировать прошлое без привлечения письменных исторических источников.

ПРОКОПИЙ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

Прежде чем приступить к рассказу о раскопках, проводившихся на территории Алустана, предоставим слово историкам.

Великая и могущественная Римская империя, завоевав Грецию с ее колониями, а затем и Боспор-

ское царство, включила в состав своих владений и все побережье Крыма — от Каркинитского залива до Меотиды (Азовского моря). Но проходили века, и «всемирная держава» все более клонилась к упадку. В 395 г. единая Римская империя перестала существовать. Она распалась на два самостоятельных государства — Западную Римскую империю, столицей которой считался Рим*, и Восточную с центром в Константинополе, новой столице, основанной в 330 г. императором Константином на месте древнего греческого города Византия. По имени последнего все Восточноримское государство, куда входило и крымское побережье, позже стало называться Византией.

Особенно важным, насыщенным решающими для Византии событиями был VI век⁴. И большая часть их пришлось на царствование Юстиниана I. Еще в 476 г. под ударами «варваров» пала Западная Римская империя. Казалось, дни Византии сочтены. Но Восточной Римской империи, обладавшей огромными материальными ресурсами и войском из свободных крестьян, удалось дать отпор племенам вестготов, добиться ухода с Балканского полуострова кочевников-гуннов.

Юстиниан I, царствовавший с 527 по 565 г., укрепил внутреннее положение страны, ее господствующего класса, усилив централизацию в управлении, упорядочив законодательство и жестоко расправившись с народными восстаниями и антиправительственными заговорами. Это позволило ему приступить к осуществлению своей заветной мечты — отвоеванию Запада.

В 533—534 гг. было разгромлено Вandalское королевство и к Византии присоединены прежние римские владения в Северной Африке, Сардиния и Корсика. В последующие годы восточноримские войска отвоевали у остготов Италию, у вестготов часть Испании. Территория Византии увеличилась почти вдвое.

Стремясь прочнее укрепить завоеванное и создать условия для последующего расширения своих владений, Юстиниан I строил укрепленные линии и посты, возводил мощные крепости с толстыми стенами и высокими башнями. Вдоль всех границ империи протянулись системы таких укреплений — в Северной Афри-

* Западноримские императоры, как правило, жили в Равенне, городе, расположенном к северо-востоку от Рима.

ке и на берегах Евфрата и Дуная, в горах Армении и на Крымском полуострове. В каждом из них были размещены небольшие военные гарнизоны, обеспеченные запасами продовольствия и оружия. Специально устроенные водопроводы и колодцы снабжали их водой. Эти сооружения были воздвигнуты трудом сотен и тысяч ремесленников, строителей и крестьян, которые тесали огромные камни, по крутым склонам поднимали их на вершины гор и скал, возводили могучие стены, в камне вырубали котлованы для водохранилищ.

Обо всем этом мы знаем из различных исторических источников, письменных и археологических. Из письменных наибольшую ценность представляют свидетельства знаменитого историка Прокопия Кесарийского⁵.

Советник и приверженец крупнейшего юстиниановского полководца Велизария, Прокопий Кесарийский участвовал в его походах против персов, вандалов и остготов. В восьми книгах своего сочинения «Войны» Прокопий описал историю тех войн, которые вела Византия при Юстиниане I. В другом произведении, трактате «О постройках», он восторженно перечисляет и, с большей или меньшей подробностью, описывает десятки городов и сотни крепостей, воздвигнутых при Юстиниане. «Если бы мы показали, — писал Прокопий в этом трактате, — список крепостей, воздвигнутых Юстинианом, людям, живущим в какой-нибудь отдаленной стране и потому не могущим собственными глазами убедиться в этом, то, конечно, такое число этих сооружений показалось бы им сказочным и невероятным».

Трактат «О постройках» содержит рассказ и о тех укреплениях, что были построены при Юстиниане I в Крыму. «Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона (современные Керчь и Севастополь.—*Авт.*), которые являются приморскими городами..., Юстиниан воздвиг там и два укрепления, так называемое Алушта и в Горзувитах... Здесь же, на этом побережье, — отмечал Прокопий, — есть страна по имени Дори, где с давних времен живут готы... Так как казалось, что их мест-

ность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов».

Несомненно, и крепость Алушта, и «длинные стены» играли для Византии немаловажную роль. Прокопий отмечал, что обитатели страны Дори «были в союзе с римлянами (так он называет византийцев. — Авт.), отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов». Слишком уж точным и серьезным историком был Прокопий Кесарийский, чтобы говорить о вещах, не заслуживающих внимания. Видно, немаловажную помощь оказывали Византии ее крымские союзники, и отношения между ними и «римлянами» были весьма дружественными.

Естественно, что Юстиниан I заботился и об ограждении союзников, и о защите своих крымских владений от степных кочевников. Плодородную и удобную Алуштинскую долину должны были охранять «длинные стены», препятствовавшие проникновению противника через перевалы в горах, и выстроенная на удобной возвышенности у моря крепость. Прокопий ничего нам о ней не сообщил, кроме названия. К сожалению, все то, что мы можем о ней рассказать, относится к более позднему времени и стало известно благодаря современным исследованиям, главным образом археологическим.

АРХЕОЛОГИ НА НОВОСТРОЙКЕ

Тот, кто знал Алушту первых послевоенных лет, помнит, что представляла собой старая набережная города. Это была обыкновенная проезжая дорога; в западном конце ее, там, где теперь раскинулась обширная пло-

щадь, стояло невзрачное здание автостанции. Унылый вид набережной разнообразили только два строения: ресторан «Поплавок» и каменный дом бывшей синагоги.

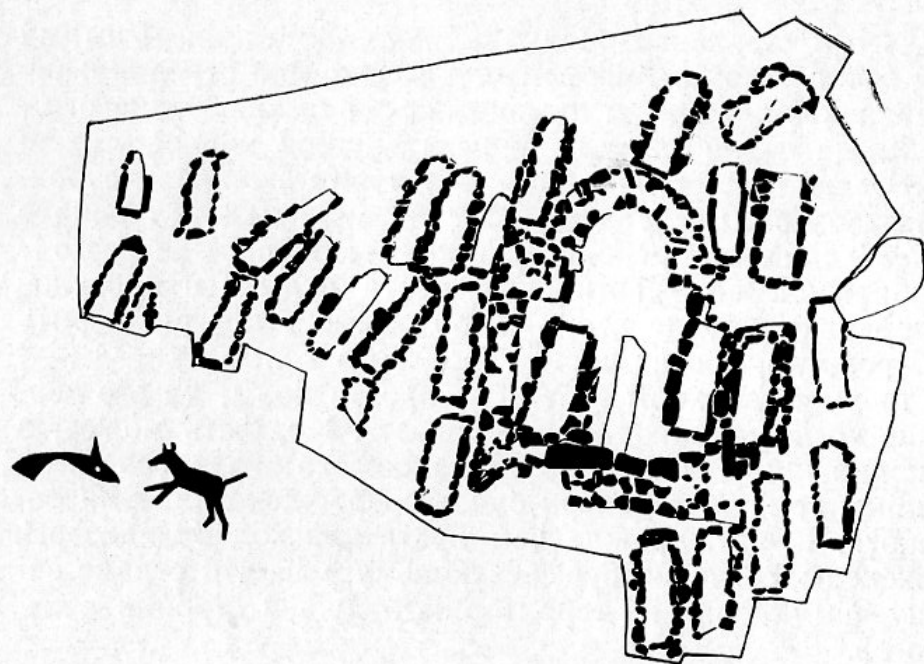
Когда страна вошла в ритм мирной жизни, ликвидировав последствия войны, в Алуште началось строительство новых здравниц. Вот тогда-то и встал вопрос о необходимости реконструкции города, прежде всего — прибрежной его части как места отдыха и прогулок курортников. Для этого необходимо было расширить набережную, срезав часть городского холма.

Между тем холм этот — не просто холм; на его вершине когда-то находилась крепость. Но, быть может, и у подножия есть что-нибудь такое, что оказалось засыпанным землей, а теперь будет повреждено или уничтожено?... И вот, прежде чем пустить в ход бульдозеры, инженеры, согласно существующему в нашей стране закону, пригласили на территорию будущей стройки археологов.

Летом 1950 г. начались раскопки. В этот период (1950 — 1951 гг.) работы проводились под руководством археологов Е. В. Веймарна⁶ и Ю. В. Кухаренко. Решено было обследовать территорию, расположенную восточнее и ниже крепости, где, по предположению ученых, мог быть могильник Алустана.

Надежды археологов оправдались. Им удалось вскрыть могильник средневекового времени и кладбищенскую церковь. Как показали исследования, могильник существовал около восьми веков, с X по XVIII. Церковь была разрушена в XV в., видимо, во время турецкого завоевания Крыма, задолго до упразднения самого кладбища.

Несмотря на то, что сохранившаяся высота стен церкви вместе с фундаментом не превышала 1 м, на основе плана здания, который хорошо прорисовывался, и

План участка археологических раскопок в Алуште.

многочисленных находок (обломков черепицы, архитектурных деталей, расписной штукатурки, стекол и других предметов) удалось восстановить ее первоначальный вид. Церковь представляла собой прямоугольник, вытянутый с северо-востока на юго-запад, с полукруглым алтарным выступом (абсидой) на северо-восточной стороне.

Стены храма были сложены из крупного, почти без всякой обработки, камня на известковом растворе. Толщина их доходила в среднем до 0,65 м. Кровельным материалом служила черепица, о чем свидетельствовали многочисленные ее обломки, среди которых попадались и куски с клеймами. Найденные узорные наличники

оконных проемов позволили воссоздать примерный вид окон. Снаружи их обрамлял орнамент: одни — так называемая плетенка, другие — в виде жгута. Возможно, окна церкви были забраны железными решетками. Обломок одной из них археологи обнаружили у западной стены храма. А неожиданная находка большого куса плоского синего оконного стекла позволяет предположить, что на окнах были витражи из цветного стекла. К сожалению, других стекол найти не удалось.

Длина церкви внутри достигала 4,45 м, а ширина — 3,80 м. Пол храма был вымощен плоскими плитами песчаника и известняка. Стены поверх штукатурки украшала роспись красками, замешанными на сложной эмульсии из клея и смол. В состав эмульсии входил и воск, что придавало краскам особую стойкость. И когда археологам попадались обломки расписной штукатурки со стен церкви, они поражали их свежестью и яркостью колорита. Такая же техника росписи встречается в храмах Греции и Малой Азии.

Внутри алтарной абсиды церкви были найдены вырезанные из камня архитектурные украшения в виде круглых «медальонов». В центре медальона — изображение креста с равномерно расширяющимися концами, по краям — орнамент из зубцов и точек. Под полом храма находились могилы.

Характерная конструктивная особенность церкви, в отличие от многих других древних храмов, известных в Крыму, состоит в том, что ее углы укреплены четырьмя несущими перекрытие столбами, между которыми поставлены стены, играющие роль своего рода заполнения. По мнению архитектора Ю. С. Асеева, конструкция и план алуштинской средневековой церкви сближают ее с современными ей древнерусскими храмами. Он же датирует эту церковь X — XIII вв.⁷

При раскопках археологам удалось определить, что церковь имела два строительных периода. Следовательно, храм существовал долго, по меньшей мере несколько столетий, и за это время перестраивался. Основная перестройка произошла в XIV в. При этом обветшалую юго-восточную стену церкви наново переложили и устроили в ней усыпальницу. К тому же времени относится и новый порог церкви.

Вокруг храма и внутри него находились могилы, принадлежавшие, как было установлено, трем историческим периодам: X—XIV вв., т. е. времени сооружения церкви и ее существования до фундаментальной перестройки; XIV—XV вв. — времени от перестройки церкви до ее разрушения в период турецкого завоевания Крыма; XV—XVIII вв., когда оставшиеся в живых христиане этой местности продолжали хоронить своих покойников на прежнем, видимо, высоко чтимом ими кладбище. Об этом свидетельствует, в частности, одна характерная могила. Она устроена прямо на западной стене разрушенной церкви, в результате чего хоронившим пришлось даже разобрать часть этой стены.

Для нас представляют в данном случае интерес только два первых периода. Иначе говоря, речь здесь пойдет лишь о захоронениях, датируемых XI—XIV и XIV—XV вв.

Могилы Алуштинского некрополя были в основном двух типов. К первому относятся так называемые плитовые, выложенные по бокам плоскими плитами сланца или известняка, поставленными на ребро. Могилы второго представляют собой ямы, облицованные изнутри небольшими камнями, уложенными в два и более рядов по вертикали. Могилы обоих типов перекрывались большими плоскими плитами из сланца или известняка.

Плитовые могилы получают распространение в Крыму с VIII—

IX вв. и продолжают бытовать до XVII—XVIII. Связаны они с христианским погребальным обрядом того времени. Массовое появление плитовых могил объясняется, по-видимому, более быстрым проникновением христианства в среду местного населения Крыма, где с VIII в. находят пристанище иконопочитатели, бежавшие из Византии от преследований властей.

В плане почти все могилы были прямоугольные и лишь некоторые сужались к ногам. Длина могил колебалась от 1 м (детские) до 2,30 м, ширина — от 0,30 до 0,70 м. Большинство захоронений ориентировано головами на юго-запад, встречались (изредка) и ориентированные с запада на восток.

Исследование любого могильника — дело хлопотливое и весьма трудоемкое, в то же время далеко не всегда благодарное, так как именно могилы чаще всего подвергались ограблению. При этом грабители не ограничивались похищением инвентаря, но, что еще хуже, сдвигали и перемешивали костяки. Из-за этого невозможно порой определить даже обряд захоронения.

Изучение Алуштинского могильника археологи начали, как всегда, с зачистки покровных плит, которые упоминались выше. Зачищенные плиты точно фиксировали на плане и фотографировали. Лишь после этого их осторожно поднимали, и начиналась ювелирная работа археолога. С помощью ножа и кисточки велась тщательная и кропотливая зачистка костяков от земли и пыли, которые проникли через многочисленные щели в могилу в течение многих веков. Аккуратность требовалась такая, чтобы ни одна кость, ни один предмет не были сдвинуты с места. После зачистки их также зарисовывали, независимо от того, оказалось ли данное захоронение в полном порядке или было нарушено.

После фиксации и подробной записи в дневнике о положении костяков и различных вещей их осторожно убирали, однако зачистка могил продолжалась. Дело в

том, что в средневековых захоронениях зачастую бывает по нескольку погребений. Видимо, и в данном случае могилы представляли собой семейные усыпальницы. Захоронение нескольких покойников в одну и ту же могилу совершалось, конечно, не одновременно, а на протяжении длительного периода, по мере постепенного перехода членов семьи в иной мир.

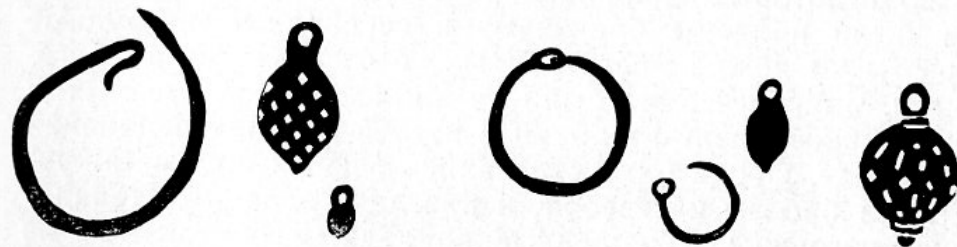
При этом дело происходило так. Местоположение каждой могилы отмечалось родственниками очередного умершего надгробным камнем. Когда умирал член семьи покойного, могилу вскрывали, кости предыдущего захоронения сдвигались в сторону и рядом клали вновь умершего. Иногда, если позволяла глубина могилы, новое погребение производилось сверху, не нарушая предыдущего. Одна из задач археолога — тщательно разобраться во всем этом.

Обнаруженные в могиле черепа и кости (достаточно одной стороны костяка) подлежат специальному антропологическому исследованию. Но уже на месте раскопа археолог может сделать некоторые заключения: определить рост, пропорции тела (по относительной длине костей), примерный возраст (по стертости зубов, состоянию швов черепа), пол захороненного (по надбровным дугам, ширине таза), степень физического развития (по «мышечным буграм» на костях); иногда удается выяснить и причину смерти.

В каждой могиле было захоронено от одного до пяти человек — мужчин, женщин, детей — в возрасте от 7 до 60 лет. Обращает на себя внимание интересный факт: количество умерших в возрасте от 20 до 30 лет не уступает числу умерших после 50 лет, причем в возрасте от 14 до 20 лет похоронены только женщины. Последние в возрасте от 20 до 30 лет составляют две трети погребенных. По-видимому, высокий процент смертности женщин в молодом возрасте являлся результатом неудачных родов.

Многие могилы подверглись ограблению, большей частью давно, еще в средние века. Несмотря на это, инвентарь могильника самый разнообразный. Во вре-

мя раскопок часто попадались бронзовые, серебряные серьги, изредка золотые. Большинство из них самой простой формы, распространенной в это время, — проволочные, овальной формы, с небольшим ушком на одном конце и петелькой на другом для застегивания. Никаких

Серьги и пуговицы. Из раскопок Алуштинского могильника.

украшений на них не было. Реже встречались другие серьги — с украшениями в виде небольших ажурных подвесок из меди, бронзы и серебра, иногда из стекла, силикатной пасты* и даже жемчуга.

Надо иметь в виду, что в период раннего средневековья стекло ценилось наравне с драгоценными камнями, так как техника его изготовления была очень сложной и дорогостоящей. Иногда бронзовые серьги украшали мельчайшими ажурными кольцами, напаянными на проволоку, иногда несколько миниатюрных цепочек переплетались вокруг проволоки. Встречались ложнокрученые бронзовые серьги, как бы сделанные из двух проволочек, на самом же деле — из одной, искусно перекрученной.

Как правило, в женских погребениях Алуштинского могильника находилось большое количество всевозможных бус: из стекла, пасты, янтаря, халцедона, сердолика, ажурные пронизи из серебра и золота. Бусы же из полудрагоценных камней в древности служили чем-то вроде амулетов: считалось, что многие

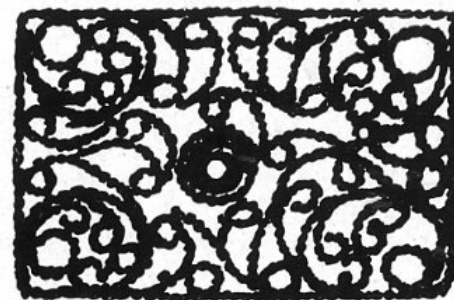
* Силикатная паста — сложное вещество, состоящее из тех же компонентов, что и стекло, но выработанное при более низкой температуре.

камни охраняют от наговоров, дурного глаза, болезней и несчастий. В Крыму широко распространен был сердолик, россыпи которого имеются и сейчас на восточном побережье полуострова. По преданию, этот камень отводит злых духов и повышает настроение.

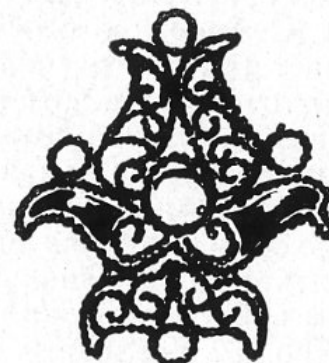
В некоторых захоронениях Алуштинского могильника были найдены бронзовые и серебряные нагрудные кресты. Одежда погребенных застегивалась на пуговицы. Чаще всего это были металлические, полые внутри бубенчикообразные шарики с петлей для присоединения к одежде. Среди них встречались очень изящные ажурные из бронзы и серебра, а иногда и золотые. Попадались пуговицы, украшенные накладным орнаментом из того же или иного металла, например, бронзовые были орнаментированы серебром, серебряные — бронзой и золотом. На руках погребенных находились браслеты, чаще всего из синего стекла, на пальцах — кольца. В основном это были простые перстни из бронзы, в одной могиле встречен серебряный перстень с тремя гнездами, в которых сохранились остатки цветной пасты.

Среди находок — бронзовые и серебряные поясные пряжки с язычком, некоторые пояса украшены наклад-

ными бляшками. В некоторых мужских погребениях у правого или левого бедра были остатки железных ножей — очень плохой сохранности, так как железо ржавеет и рассыпается. Судя по тлену кожи, найденному у ног захороненных, они носили кожаную обувь. В одном женском погребении оказались маленькие подковки для каблуков.

Кроме этих, типичных для многих погребений предметов, в нескольких могилах оказались немногочисленные монеты из бронзы и серебра, серебряная цепочка, закладка в виде грозди винограда, серебряная бляшка в форме стилизованного листа с крестообразным черенком. В двух случаях были найдены минеральные краски пурпурного и красного цветов: видимо, женщины при жизни пользовались ими в качестве румян или цветной пудры. Представляет интерес оригинальная серебряная подвеска, которая при малейшем

Золотые украшения одежды из раскопок в Алуште.

движении издавала мелодичный перезвон. Она состояла из круглого диска с восемью ушками, к нему подвешивались цепочки со стилизованными фигурками. В центре каждой цепочки находилось вытянутой формы сердечко с тремя дырочками. Сам диск был украшен ажурной восьмиугольной звездой с орнаментированным кругом внутри звезды и синим камешком в центре.

Не всегда украшения надевались на покойников. Иногда их помещали в той же могиле в специальных шкатулках. Металлические обкладки двух таких шкатулок из дерева были найдены в двух ограбленных могилах. Одна обкладка серебряная, с позолотой, украшенная орнаментом, другая — медная.

Совершенно особое место по своему богатству занимает могила, расположенная внутри церкви, у ее юго-восточной стены. Сложенная из крупных подтесанных камней, могила была самой глубокой из всех. Покровные плиты не сохранились. Все пять погребений могилы оказались нарушенными. По всем признакам, перед археологами была ограбленная могила. Можно представить себе их удивление, когда при зачистке этой могилы сразу обнаружили золотые вещи. Всего в ней найдено 137 различных предметов, среди которых 85 — из чистого золота.

Среди золотых вещей, в большинстве филигранной работы, оказалось значительное число самых разнообразных блях, которые нашивались на одежду. Многие из них были в виде ажурных розеток шестиугольной формы с красными и синими камнями в середине. Иногда вместо камней в центре розетки находились жемчужины. Некоторые бляшки были округлой формы с рельефным узором, другие — в виде стилизованных лилий, иногда с двумя камнями, красным и голубым, а иногда с жемчужинами. Интересны бляшки в виде полу-

распустившихся цветов, украшенных в центре камнями или жемчугом, ажурные прямоугольной формы, тоже украшенные камнями или жемчугом. Встречались бляшки с застежкой.

Очень красивы найденные там же бусы из янтаря, сердолика, ажурные из золота и серебра, ожерелья с подвесками из янтаря и халцедона, золотые и серебряные пуговицы, серьги, кольца, перстни. Среди костей покойных лежали отдельные жемчужины, раковины каури*, мелкие изделия из кости и другие предметы.

Одежда погребенных в этой могиле сохранилась плохо. Однако вполне можно было определить, что в основном она состояла из дорогой парчи, истлевшие куски которой лежали в могиле. Такая парча изготовлялась на Ближнем Востоке.

Стиль найденных в могиле украшений, как оказалось, сродни стилю вещей азиатского происхождения. Они имеют много сходных черт с украшениями шапки Мономаха и аналогичными вещами из Бухарскогоклада**.

Как известно, шапка Мономаха — царский головной убор из золота, украшенный драгоценными камнями, крестом и собольей опушкой, — по летописной легенде, была получена Владимиром Мономахом (1113 — 1125 гг.) от византийского императора Константина. В действительности шапка Мономаха, как и Бухарский клад, — восточного происхождения. По мнению археолога А. А. Спицына, все золотые украшения клада изготовлены в Золотой Орде в XIII—XIV вв.⁸

* Моллюск каури обитает только в Индийском океане и в западной части Тихого, откуда еще со времен тавров раковины его путем торговли и обмена проникали в Крым. По-видимому, сначала они использовались как меновая единица, а позже превратились в один из наиболее популярных амулетов, возможно, не утратив первоначального значения.

** Клад найден в 1902 г. в Бухаре.

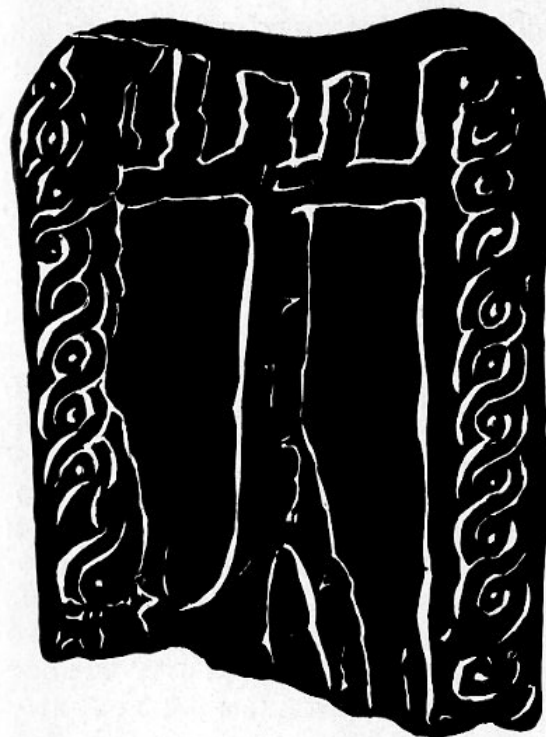
Золотые предметы, найденные в Алуште, относятся скорее всего к XIII в., так как церковь, с которой связана богатая могила, датируется X—XIII вв. Такое обилие драгоценностей в могиле средневекового времени — чрезвычайно редкое явление. Оно красноречиво говорит о богатстве и важном значении Алустана в этот период.

Во время раскопок в могиле XV—XVI вв., пристроенной к стене храма, среди камней, которыми она была выложена, обнаружен фрагмент надгробия с частично сохранившейся греческой надписью⁹. Надгробие это попало сюда в результате разрушения части средневекового кладбища, камни которого использованы для сооружения более поздних могил.

Надгробие сделано из известняка в форме трапеции. Сохранились только нижняя его часть и фрагмент надписи, из которой следует, что в могиле погребены двое мужчин. Сведения о первом отсутствуют, но второй, по имени Федор, упоминается как зять первого. Эта надпись, как и другие находки, позволяет предположить, что в коллективных захоронениях Алуштинского могильника погребены лица, находившиеся в родственных отношениях.

Интересно отметить, что подобное же, но совершенно целое надгробие найдено здесь в 1886 г. археологом В. Ф. Миллером¹⁰. По нему можно воссоздать общий вид надгробной плиты из раскопок 1950 г.

На некоторой высоте от основания плита была окаймлена резным орнаментом в виде плетенки. По-видимому, этот же орнамент украшал ее и сверху. Посередине находилось изображение креста на подножии, с вертикальными отростками по обеим сторонам поперечной перекладины в виде либо меньшего размера крестов, либо так называемых свечей. Вся остальная поверхность пли-

Надгробная плита
из Алушты, найден-
ная в 1886 г.

Алуштинское над-
гробие из раско-
пок 1950 г.

ты была покрыта надписями о захороненных под ней, причем текст этот с течением времени все более удлинялся по мере заполнения могилы.

Оба найденных в разное время надгробия по форме совершенно идентичны и должны быть отнесены к одному и тому же времени — XIII—XIV вв. Это говорит о стереотипности их изготовления. Украшенные незамысловатым орнаментом и грубо высеченными рельефными крестами, надгробия эти сохранялись, вероятно, на протяжении многих поколений.

Надписи на плитах неоспоримо свидетельствуют о том, что население Алустана, во всяком случае его большинство, пользовалось греческим языком.

Таким образом, обследование средневекового могильника и кладбищенской церкви дало обширный и интересный материал. К сожалению, крепость и непосредственно примыкавшая к ней остальная площадь, где, по-видимому, было поселение, не раскапывались. Но кое-что о жизни в крепости и на поселении мы все же знаем благодаря многочисленным находкам на территории кладбища.

Средневековый Алустон населяли коренастые широкоплечие люди. Занимались они земледелием и скотоводством. Находки в средневековых культурных отложениях грузил, рыболовных крючков, а также рыбьих костей, раковин мидий, клешней крабов указывают на развитие у них рыболовства. Да и странно было бы, если бы приморские жители чуждались этого занятия.

Как и во всяком крупном городе, жили здесь искусные кузнецы и ювелиры, руками которых изготовлены железные гвозди, подковы, решетки, оружие, бронзовые и серебряные серьги, кольца и другие украшения. Жили и каменотесы, украшавшие надгробия, наличники окон, карнизы зданий, а также кожевники, плотники, сапож-

Профили средневековых черепиц.

ники, каменщики. И все-таки из ремесленников самую многочисленную группу составляли гончары.

По обломкам керамики, в изобилии извлеченной археологами, мы знаем, когда и какой посудой пользовались жители Алустана. До X—XII вв. это были в основном красноглиняные кувшины, миски, амфоры и пифосы, изготовленные с помощью ножного гончарного круга. Найденны, хотя и в меньшем количестве, сосуды и из коричневой глины.

Кувшины и миски использовались в быту как столовая посуда, амфоры — для хранения и перевозки жидкостей и сыпучих продуктов. Огромные пифосы предназначались для хранения жидкостей (главным образом воды и вина), а также зерна.

Позднее, с X в., к простой столовой посуде прибавляется поливная, т. е. покрытая изнутри, а иногда и снаружи тонким слоем легкоплавкого стекла, закрепленным на глине путем вторичного обжига. Полива была желтого, зеленого и светло-коричневого тонов.

При раскопках обнаружено множество обломков черепицы, изредка с клеймами. Из этого можно заключить, что черепицей покрывались не только общественные сооружения Алустана, но и многие дома зажиточных граждан.

Золотые украшения из далекой Золотой Орды, шелковая и парчовая одежда из тканей, поступавших с Ближнего Востока, привозная посуда, цветные стекла

для витражей—все это свидетельствует о развитом торговом обмене.

Различия в погребальном инвентаре ясно указывают на имущественное неравенство обитателей Алустана. Богачи одевались в шелковые и парчовые ткани, украшенные золотыми нашитыми бляхами. На пальцах носили массивные золотые кольца и перстни с драгоценными камнями, ели на дорогой поливной посуде. Бедняки довольствовались грубой домотканой одеждой, им доступны были лишь простые бронзовые украшения, незатейливая глиняная посуда.

ВОКРУГ АЛУСТАНА

Новое шоссе, по которому мы начали путь на юг из Симферополя, сделав несколько виражей по окраинам Алушты, как бы выбирая лучшее направление, вдруг резко сворачивает вправо и стремительно уносится в сторону Ялты. Шоссе уверенно огибает горы, прорезает седловины, почти нигде не делая крутых поворотов, иногда же оно стелется ровно, как стрела. Такова современная дорога. В недавнем же прошлом, а тем более в средневековое время ничего похожего на нее здесь не было.

Действительно, как и в других местах Крыма, на Южном берегу имелаась целая сеть дорог, в средние века соединявших различные урочища, а в них — отдельные населенные пункты, замки, монастыри. Единой же дороги вдоль Южного берега Крыма тогда не существовало. Она была создана только после присоединения Крыма к России. В течение 14 лет, с 1824 по 1838 г., русские саперы и крепостные крестьяне, используя имевшиеся доро-

ги, выбирая лучшие и наиболее удобные из них, проложили новую почтовую дорогу. Она служила людям свыше столетия. И лишь в 1961 г. проведена современная магистраль. Новое шоссе вдвое шире старого, на нем значительно меньше поворотов (на участке от Алушты до Ялты их ликвидировано около 300!). Теперь шоссе, мягко изгибаясь, стелется мимо горы Кагель, Ай-Тодора, Медведь-горы.

Интересно происхождение топонима «Кагель». Во многих книгах (путеводителях, краеведческих очерках) утверждается, что название горы в переводе с греческого или древнегреческого означает «крепость». Здесь, по-видимому, произошло недоразумение. Уважаемые авторы основывают, очевидно, свои утверждения на фразе академика П. И. Кеппена: «Кагель (далее то же слово по-гречески и греческими буквами. — Авт.) значит крепость, замок, крепостца. Таковы на южном берегу два Кагеля: Кючук-Кагель и Бююк-Кагель»². А так как Кючук-Кагель и есть алуштинский Кагель, многие авторы говорили о греческом происхождении названия горы, причем предыдущая фраза П. И. Кеппена: «Временам ново-греческим принадлежали названия Кагель и Кастрон», — казалось, еще раз подтверждает правоту такого утверждения. Но ведь Кеппен нигде не говорит, что слова эти — греческие.

Действительно, ни греческий, ни древнелатинский языки не знали слова «кагель». Оно появилось у римлян, видимо, на рубеже нашей эры, а от них позже перешло в Византию. Таким образом, у римлян периода империи для обозначения укрепления, крепости, военного лагеря к существовавшему прежде слову «каструм» прибавилось новое — «кастеллум», обозначавшее отдельные небольшие крепости, выдвинутые далеко вперед от основной линии оборонительных сооружений. Однако, если первое из них всегда употреблялось применительно к военному укреплению, то второе со временем утратило военный смысл и стало означать укрепление невоенного характера — усадьбу, виллу, поселение. В Византии, очевидно, первое слово приобрело звучное окончание «он», второе, напротив, лишилось чисто латинского окончания, и оба они стали звучать на греческий манер.

Таким образом, название горы — «Кагель» — связано с существованием на ней какого-то укрепления невоенного типа: по-

Средневековые пифосы с горы Кастель.

селения или, быть может, усадьбы, где могли проживать феодал, его семья, родственники и зависимые люди.

При подъезде к горе Кастель со стороны Алушты у северного подножия ее виден огромный валун, от которого вверх тянется каменная россыпь, издали напоминающая дорогу. На самом деле это остатки стены средневекового укрепления, построенного на развалинах поздне-татарского убежища. Стена опоясывала вершину Кастеля, ограждая находившиеся там жилые дома и хозяйственные постройки.

Укрепление давно привлекало к себе внимание. В древние времена возникло несколько связанных с ним легенд. В них упоминается о штурмах укрепления, проникновении врагов через подземный ход, о ручьях крови героических защитников Кастеля. Между прочим, следы древних лишайников на скалах западных склонов горы имеют некоторое сходство с запекшейся кровью.

Посетил эти места и П. И. Кеппен². Он видел «следы многочисленных жилищ, находившихся некогда внутри укрепления», а с западной стороны горы на бугре — развалины церкви, «называемой монастырем Ай-Брокуль». Мимо него, по словам П. И. Кеппена, проходил на гору Кастель водопровод, который был обнаружен при прокладке «большой битой дороги» (т. е. из битого камня)

в 1833 г. «Трубы, — рассказывает ученый, — имевшие в поперечнике от 4 до 6 вершков (1 вершок — 4,5 см. — Авт.), были сперва обложены слоем коросана* толщиной в вершок...»

Е. Л. Марков¹, также побывавший на Кастеле, увидел значительно меньше, хотя, как и подобает писателю, рассказал о посещении горы много больше и красочнее. Его поразило обилие на плоской зеленой вершине Кастеля каменных груд, представлявших «следы давних жилищ, неизвестно кем строенных и неизвестно кем покинутых. Они лежат обыкновенно ...круглой кучею в круглой яме». Марков и его спутники «копались» в этих камнях, но не находили даже следов извести или «других строительных материалов», только черепки «весьма крепкой каменной посуды».

Посередине плоской вершины писатель осмотрел остатки какой-то общественной постройки. Руины эти произвели на него впечатление прежде всего своей внушительностью. Здесь было множество правильно тесаных плит прекрасного красноватого камня, остатки посуды, на камнях — следы извести. И Марков предполагает, что это развалины монастыря св. Прокла, который у П. И. Кеппена упомянут под именем «Ай-Брокуль».

Не менее подробно описывает свое посещение Кастеля В. Х. Кондараки³. Уже при подъеме на гору он видел много одичавших фруктовых деревьев, осколков черепицы, груды камней, «быть может, некогда принадлежавших к обширным постройкам». По его мнению, внизу существовало крупное греческое поселение, «для которого Кастель-гора служила акрополем или замком на случай нашествия врагов». Примерно посередине склона горы В. Х. Кондараки увидел «широкие развалины

* Коросан — цемент из толченой керамики, песка и извести.

³ Алустон и Фуна

насухо сложенных стен, опоясывающих вершушку Кастеля с северо-западной и северо-восточной сторон, как более доступных по естественному положению». Несколько выше вдоль всего северо-западного склона шла вторая оборонительная стена, а далее к вершине «беспрестанно встречались груды камней от небольших построек, местами заросшие одичавшим виноградом».

Естественно, такой памятник не мог не привлечь внимания археологов. В 1947 г. его изучением занялся Горный отряд Тавро-скифской археологической экспедиции под руководством Е. В. Веймарна.

Работы отряда свелись в основном к разведкам, поэтому новый материал был сравнительно невелик. Археологам удалось все же установить, что поселение возникло в VIII в., а укрепление — после X в. Жизнь на горе Кастель прекратилась в конце XV в. в связи с нашествием турецких захватчиков.

Далее к юго-западу от Кастеля, над селом Малый Маяк (б. Биюк-Ламбат), подле самого шоссе возвышается конусообразная гора Ай-Тодор (святой Феодор). П. И. Кеппен отмечал, что, по преданию, в средние века здесь находился монастырь. Возможно, по его имени названа и вершина. Ученый верно подметил, что «это место могло служить точкой соединения между укреплениями Кастель-горы и Аюдага», а стены, которые он видел на горе, «были воздвигнуты не без мысли о военной обороне».

В 1969 г. Южнобережный отряд Крымского отдела Института археологии АН УССР исследовал остатки укрепления на Ай-Тодоре¹¹. Был найден небольшой одноабсидный храм XII—XV вв., построенный на фундаменте более раннего. Внутри храма и возле него находились могилы.

Раскопки подтвердили предположение П. И. Кеппена,

что на горе находился укрепленный монастырь. Археологами открыты основания двух поясов оборонительных стен и башни. У одной из стен стояли большие пифосы, в которых хранился запас питьевой воды. У подножия крепости, на южном склоне горы, теснились жилища небольшого поселения.

На противоположной возвышенности раскопан могильник с небольшим кладбищенским храмом. На седловине же между кладбищем и поселением еще недавно возвышались снесенные теперь без остатка развалины большого средневекового дома; невдалеке от него в 1956 г. при плантажной вспашке участка под виноградник было обнаружено несколько поставленных в ряд пифосов. Один из них, пока единственный в своем роде, удалось извлечь из земли почти целиком; он весь, от днища до венчика, орнаментирован пересекающимися горизонтальными и протянутыми наискось валиками, что придает этому пифосу вид плетеной корзины.

Следы еще нескольких средневековых поселений заметны на склонах между горой Кастель и Ай-Тодором. Самое крупное из них было у моря в урочище Карабах, где неподалеку от могилы П. И. Кеппена сохранились остатки небольшого средневекового храма.

За Ай-Тодором одна из основных древних дорог, что шли далее на юго-запад, уходила вправо от современного шоссе, спускаясь к морю. Там она огибала мыс Плака, закрывающий с востока очень удобную бухту. На его вершине и крутом склоне к морю в средние века находилось небольшое укрепление.

С северной стороны — на территории парка санатория «Утес» (б. имение Гагариных) — к укреплению примыкали некогда поселение и храм, окруженный постройками небольшого монастыря (само урочище называется до сих пор «монастырек»). От этих памятников не со-

Резная купель (прибл. XIII в.).

хранилось и следов. О них напоминают в настоящее время лишь разбросанные всюду обломки средневековой керамики. Кроме того, при строительстве теплицы имения Гагариных была обнаружена большая каменная купель (примерно XIII в.), пышно украшенная изображениями птиц, зверей и фантастических растений. Вещь эта, вполне византийская по стилю, композиции, технике исполнения, является ценным образчиком средневековой художественной резьбы по камню. Материал купели — крымский мраморовидный известняк. Две найденные вместе с купелью резные капители (вероятно, из того же материала) пока не удалось разыскать. Вещи эти свидетельствуют о том, насколько глубоко укоренились в Таврике византийская культура и искусство.

От мыса Плака дорога вела к Партениту. Здесь еще в VI в. возникает поселение, а затем и крепость¹². От Партенита дорога поднималась вверх, огибая величественный Аю-Даг с укрепленным поселением и монастырем, и шла далее к Горзувитам, от них по всему побережью до Фороса и Ласпи, а оттуда на северную сторону Главной гряды и через Байдарскую долину к Херсону.

От Алустана на север вели три дороги. Одна шла через Ангарский перевал, вторая — через Долгоруковскую яйлу (между Северной и Южной Демерджи) и выходила в район села Ангара (ныне Перевальное). Третья была проложена по древнему колесному пути. От Алустана она сворачивала несколько на восток, затем огибала нынешнее село Лучистое (б. Демерджи), севернее которого находилась древняя крепость Фуна (речь о ней — впереди).

Обогнув Фуны с запада и севера, дорога поднималась выше, оставляя с левой стороны крутой и высокий утес Пахкал-Кая. На его вершине расположено укреп-

ление VIII—X вв. с остатками небольшой часовни и основаниями оборонительных стен.

Напротив Пахкал-Кая, с другой стороны дороги, находится пещера МАН, названная так в честь ее первооткрывателей, членов Малой академии наук*. В этой пещере было некогда святилище людей кизил-кобинской культуры (VII — VI вв. до н. э.), а в верхнем ярусе культурных отложений найдены обломки раннесредневековых амфор (VIII — X вв.). У той же дороги, на седловине между Демерджи и Пахкал-Кая, сохранились остатки небольшого поселения, также относящегося к периоду раннего средневековья.

Западнее расположен Ангарский перевал, который, как уже говорилось, в VI в. защищала одна из «длинных стен», упоминаемых Прокопием. Благодаря стене перевал этот в древности был одним из самых труднодоступных.

В период раннего средневековья из крымских степей в Алустан вела еще одна колесная дорога — она шла по плато Долгоруковской яйлы, затем по плоскогорью Северной Демерджи. Неподалеку от упомянутой уже пещеры МАН обе дороги сливались в одну. Построенные по приказанию Юстиниана I «длинные стены» пересекали и седловину между Северной и Южной Демерджи — над ущельем, по которому тоже можно было пройти к Фуне и Алустану. Остатки их видны здесь довольно отчетливо.

Дороги соединяли Алустан и южное побережье полуострова с предгорными долинами Большого и Малого Салгира, Бештерека, Бурульчи, Зуи и других рек. С VIII в. эти долины были густо заселены земледель-

* Малая академия наук — научная организация крымских школьников.

ческими племенами, в том числе так называемой салтово-маяцкой культуры, происхождение которой до сих пор еще окончательно не выяснено и вызывает споры среди ученых. Раскопки поселений и крепостей на Южном берегу Крыма, в которых иногда встречаются явно привозные вещи из поселений салтово-маяцкой культуры, свидетельствуют о торговом и в результате этого культурном обмене между населением южного побережья и предгорно-степной полосы. Этот культурный обмен особенно хорошо прослеживается на керамике Южного берега, где наглядно видно, как мотивы орнаментации, присущие салтово-маяцкой культуре, постепенно проникают и внедряются в керамическое производство Южного берега.

Путь из Алустана на север через Кебит-Богаз проходил мимо Кастеля, а затем сворачивал, петляя, в горы. Нынешняя дорога к этому перевалу ведет через село Изобильное (б. Корбеклы) и далее на северо-запад. Между селом и современным шоссе на карте П. И. Кеппена отмечено укрепление, которое до сих пор археологами не найдено.

В отыскании этого памятника ученым могли бы помочь любители истории и древностей. Мы приглашаем и читателей этой книжки включиться в исследование указанного района. Безусловно, кому-то повезет. Только не надо начинать самостоятельных раскопок: они могут привести к уничтожению памятника. Надо сообщить в Алуштинский краеведческий музей или Крымский отдел Института археологии АН УССР, который находится в Симферополе, по ул. Ялтинской, 2. Оттуда приедут специалисты и вместе с теми, кто нашел, исследуют укрепление.

От села Изобильного путь пролегал к слиянию рек Софу-Узень и Улу-Узень и далее к перевалу Кебит-Богаз, который тоже защищали «длинные стены». Туда же можно было попасть из Алустана и другим путем — по

правому берегу Улу-Узенья. От урочища Мутул (здесь сохранились остатки большого средневекового поселения) дорога шла сначала вдоль подножия хребта Урага, затем, оставляя слева от себя городище Сераус, огибала крепостцу Ай-Йори (св. Георгий), а оттуда, петляя между притоками Улу-Узенья, выходила, наконец, к перевалу.

Этот путь к Сераусу — не единственный. Есть еще одна древняя дорога, которая проходит восточнее утеса Парагильмен, мимо развалин средневекового поселения и монастыря св. Ильи, а затем между северной оконечностью хребта Урага и горой Чамны-Бурун.

Сераус представлял собой относительно небольшое укрепление. Возникло оно примерно в VIII в. и просуществовало свыше шести столетий, вплоть до турецкого вторжения. Здесь и теперь можно увидеть развалы оборонительной стены толщиной более 2 м. Внутри укрепления находится основание небольшого христианского храма.

Ай-Йори намного меньше Серауса. Это был небольшой укрепленный дозорный пункт у самой дороги. Как

Фрагменты средневековой глиняной посуды с Южного берега Крыма.

и Сераус, он существовал с VIII по XV в.

Миновав укрепления и перевал, дорога спускалась к верховьям реки Альмы, откуда открывались пути во все речные долины юго-западного Крыма.

Из всех дорог, уходивших из древнего Алустана, менее всего изменилась та, что ведет в Судак и далее к Феодосии, по юго-восточному побережью Крыма. Не так давно расширенное и покрытое асфальтом, это шоссе почти всюду повторяет извилистый след прежней дороги. Правда, до сих пор сохранилась и древняя тропа, которая проходит вдоль самого берега моря. Она прямее дороги и сокращает путь до Судака примерно на одну треть. Но ею, как и теперь, могли пользоваться только пешеходы. Колесный же и вьючный транспорт двигался выше, по колейной дороге.

В наши дни побережье к востоку от Алушты выглядит по сравнению с Южным берегом довольно уныло и однообразно. Нет ни южнобережной пышной растительности, ни пестроты красок, ни богатства архитектурных ансамблей.

Совсем иная картина была в этих местах каких-нибудь полтора столетия назад. Побывавшие здесь в конце XVIII в. П. С. Паллас и П. И. Сумароков¹³ рассказывали о густых лесах и можжевеловых рощах, покрывавших холмы и горы на восток от Алушты. Поэтому реки были значительно полноводнее, долины теплее, следовательно, и условия жизни более благоприятными. Не удивительно, что человек поселился в юго-восточном Крыму в глубокой древности.

Дорога, выйдя из Алуштинской долины на восток, проходит между горой Демерджи и спускающимся к морю урочищем Сотера. Выше дороги слева остается другое урочище — Греческие поляны с заметными остатка-

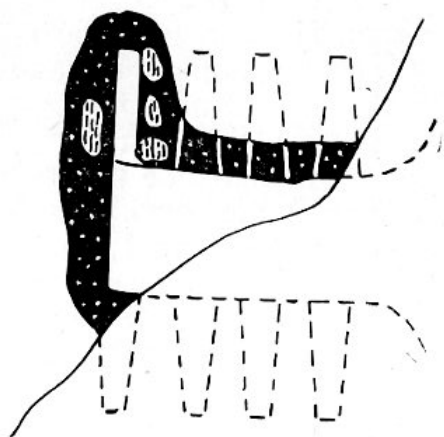

ми каких-то средневековых строений. Ни тут, ни в Сотере не проводились археологические раскопки, однако разведочные работы, ограниченные в основном сбором подъемного материала, могут уже кое о чем поведать.

В VIII — X вв. в Сотере возникло небольшое поселение и храм того же названия. Где-то поблизости должна была находиться и крепостца (или укрепление), однако вопрос этот решат лишь будущие археологические разведки и раскопки. Во всяком случае П. И. Кеппен и В. Х. Кондараки указывали на небольшое укрепление где-то «над Сотерой».

Значительно выше в горах, у нынешнего села Генеральского (б. Улу-Узень), располагались в средние века поселение и монастырь Ай-Андрей (святой Андрей). Еще выше к северо-востоку, у истоков речки Нефан-Узень, находилось скотоводческое поселение X—XII вв. с небольшими хижинами и каменными загонами для скота.

План одной из гончарных печей Чобан-Куле.

Далее к востоку вдоль дороги местность изучена слабо. Отдельные разведочные работы и, главным образом, свидетельства авторов XIX в. позволяют составить лишь самое общее представление об этом районе в период раннего средневековья.

Разведочными работами М. А. Фронджуло¹⁴ было обнаружено поселение VIII—IX вв. у нынешнего села Солнечногорского (б. Куру-Узень). Остатки гончарного производства—печи для обжига глиняных изделий, керамический брак—найлены у современных сел Малореченского, Рыбачьего, Морского (бывшие Кучук-Узень, Туак, Капсихор). Жители этих мест занимались земледелием, скотоводством, ремеслом. Их гончарные изделия, судя по находкам, удовлетворяли не только местные потребности, но продавались и за пределами поселений, вплоть до самой Сугдеи (Судака).

Совсем по иным причинам и совсем другую, печальную известность получило селение Скути, что было на месте современного села Приветного (б. Ускут). В числе восемнадцати сел, захваченных в 1369 г. генуэзцами, оно вошло в состав их владений. Через селение проходила дорога на Карасубазар (нынешний Белогорск), по которой из этого центра работорговли гнали в генуэзскую Солдайю (Судак) невольников для отправки за море.

Фрагменты средневековых амфор и фляга из Чобан-Куле.

Между современными селами Приветным и Морским еще П. И. Кеппен заметил и описал средневековое укрепление Чобан-Куле, что в переводе значит «пастушья башня». Оно находится на небольшой возвышенности, возле которой протекает пересыхающая в летнее время небольшая речушка Чобан-Куле-Узень.

При входе в укрепление справа находится круглая башня. С восточной стороны крепость защищал почти неприступный крутой скат, поэтому строители не сочли необходимым возводить здесь особенно мощную стену. Остатки крепостных стен, сложенных на известковом растворе, были видны с западной и северной сторон еще в конце прошлого столетия. Отсюда, особенно с башни, хорошо и на далекое расстояние просматривается побережье. Внизу находились некогда гончарные печи. Та-

кие же печи обнаружены археологами и к северо-востоку от Чобан-Куле, в глубине Канакской балки, что выходит к морю неподалеку от крепости¹⁵.

От Чобан-Куле дорога, снова отдаляясь от моря, ведет к Судаку, где во второй половине VI в. возникает большая приморская крепость.

ЛУСТА И ЕЕ СОСЕДИ

К началу XIII в. в Крыму произошли важные события, существенно изменившие обстановку на полуострове. Отразились эти перемены и на судьбе Южнобережья, в особенности Алустона. В то время, давно уже лишенный былых заслонов на перевалах, он не смог сыграть свою прежнюю роль щита, некогда успешно прикрывавшего византийское поморье от степных кочевников. Способствовать снижению военно-политической роли Алустона могли, как увидим ниже, причины и чисто внутреннего характера.

В 1061 г. на территорию южно-русских земель вторглись орды половцев (русские летописи часто называют их кипчаками, а также команам). В XII в. они захватили степной Крым и обложили данью его земледельческие поселения и большинство торговых городов.

Угроза со стороны кочевников не могла не вызвать уже в IX—X вв. роса и усиления постоянных военных дружин. Судя по всему, их удалые предводители в условиях продолжавшегося в Крыму процесса феодализации быстро превращались в мелких удельных князьков. Каждый из них стремился утвердить свое положение возведением собственной укрепленной резиденции, которая становилась его родовым гнездом и местопребыванием дружины. Так в X—XII вв. возникают в горах многочисленные новые замки—Кермен-Кая, Сындык-Кая и другие. Вероятно, как

следствие того же процесса появляются и новые мелкие укрепления на Южном берегу Крыма.

Рост феодальных отношений в Крыму могло в известной степени стимулировать и ослабление связей полуострова с Византией, наступившее в XIII в. Указанные явления были результатом целого ряда важных исторических событий, происшедших в районе Восточного Средиземноморья.

В 1204 г. крестоносцы разгромили Византию. Возникшие на ее развалинах карликовые Трапезундская и Никейская «империи» обладали очень небольшими экономическими, военными, а потому и политическими возможностями. Это привело к резкому падению византийского влияния в Крыму. Создались условия для объединения ранее раздробленных земельных владений в более или менее значительные государственные образования.

К моменту завоевания полуострова монголо-татарами (1299 г.) в Таврике сложилось два относительно крупных княжества: Феодоро с центром на горе Мангуп и поэтому часто именуемое Мангупским и Кырк-Ерское с центром в нынешнем «пещерном городе» Чуфут-Кале. Первому, как можно предположить, были подчинены села, замки и монастыри бассейнов рек Черной и Бельбека, а также «поморье» — южное побережье Крыма. Второе, по-видимому, включало в себя долины Качи, Бодрака и Альмы до самого впадения этих рек в море.

После захвата татарами в 1299 г. Чуфут-Кале северо-восточная граница Мангупского княжества несколько расширяется и проходит уже по Каче.

Четвертый крестовый поход (1202 — 1204 гг.) привел и к другим изменениям обстановки в Крыму. Сначала Венеция, принимавшая активное участие в походе, затем ее соперница Генуя — благодаря помощи никейскому императору в восстановлении Византии — получили возможность утвердиться в Северном Причерноморье, в том числе на побережье Крыма. Здесь и появляются италийские фактории, которые в ряде случаев превращаются в значительные по тем временам города. Длительное соперничество между Венецией и Генуей переплеталось с борьбой обеих рес-

публик против уже хозяйничавшей в Крыму Золотой Орды. В конце концов генуэзцам удалось добиться решительного перевеса и через некоторое время овладеть всей морской торговлей в этом районе.

Ко второй половине XIV в. многие укрепления южного и восточного побережья становятся владениями Генуи: вначале Кафа (Феодосия), затем Чембало (Балаклава), Солдайя (Судак) и др. Княжество Феодоро фактически потеряло свои приморские опорные пункты. Однако к середине XV в. мангупским феодалам снова подчиняется Алустон (Луста). Вскоре все южное побережье, кроме Чембало и нескольких приморских крепостей, было отнято у итальянцев и в какой-то степени снова вошло в состав Феодоро. Двоевластие на Южно-бережье сделало его ареной постоянных конфликтов между генуэзскими властями и «господами Феодоро».

Утвердив свое господство, генуэзцы всюду устанавливали жестокие феодальные порядки и методы эксплуатации еще более изощренные и суровые, чем те, что сложились до них.

Соблазнительным примером для мелких феодалов Таврики могли послужить действия братьев Гуаско. Семейство это присвоило себе в Крыму такие права, которыми обладали только крупнейшие феодальные сеньоры Западной Европы. Захватив во второй половине XV в. значительные земельные владения с деревнями Тасили и Скути, Гуаско потребовали от населения выполнения барщины, уплаты натурального и денежного оброков. Мало того, как повествуют документы, «достопочтенный господин Андреоло Гуаско, владеющий совместно со своими братьями Теодоро и Деметрио селениями Тасили и Скути, заседая в трибунале у врат церкви святой Анастасии в Скути, ...установили от имени своего... виселицы в деревне Скути и позор-

Башня Чобан-Куле (предполагаемый замок Гуаско в Тасили)

ные столбы в Тасили». А чтобы иметь возможность на подвластной территории творить суд и расправу, держать крестьян в повиновении и заставлять их работать на себя, Гуаско создали собственные вооруженные силы. Следует отметить, что подобными почти независимыми феодальными владельцами сделались в Крыму и на Тамани Гримальди, Гризольди и ряд других выходцев из Генуи.

Братья Гуаско не признавали над собой фактически никакой власти и даже открывали поразительные по своей наглости действия против собственных властей и соседей. Так, в 1474 г. они сожгли несколько овчарен владельца Лусты, которому, очевидно, принадле-

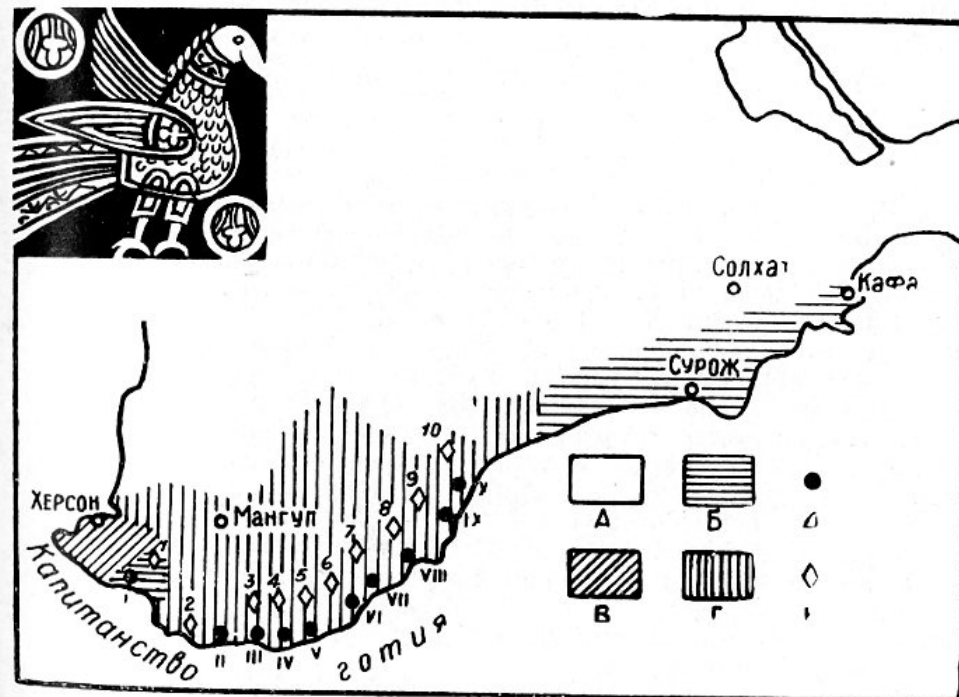
жала также и Фуна. Генуэзские власти, заключившие за три года перед тем союз с правителями княжества Феодоро, куда входила Луста, постарались замять поскорее дело, чтобы оно не переросло в конфликт с Мангупским государством.

А. Л. Бертье-Делагард сообщает, что в первой половине XV в. Лустой и Фуной овладел некий Дербиберди¹⁶, по всей вероятности, армянин (Тер бей Бедрос), находившийся, как полагает ученый, в вассальных отношениях к сильному в тот период княжеству Феодоро, а возможно, одновременно и к генуэзцам, которые относились к нему весьма подозрительно. Этническая принадлежность владельца Лусты и крепости у подножия Демерджи не должна вызывать удивления. Дело в том, что после вторжения в Армению в XI в. сельджуков началось бегство армян в Крым. Переселение их сюда продолжалось и позже, в XII—XIV вв. Армяне обосновывались прежде всего на побережье и востоке полуострова, где в основном занимались торговлей и ремеслами. Однако среди них были и представители знатных феодальных родов. По-видимому, не без поддержки Византии, где армянские аристократы играли видную роль, а также богатых соплеменников-купцов, они и в Крыму становились владельческими сеньорами.

Не исключено, что именно таким образом одной из знатных армянских фамилий удалось утвердиться в Лусте. Город во все времена был как бы воротами с моря в глубь полуострова. Кроме того, здесь процветали ремесла и торговля, обеспечивавшие непрерывный приток больших доходов в казну города. Естественно предположить, что византийское правительство сделало все возможное, чтобы не упустить этот город из-под своего влияния.

Столь лакомый кусок не мог не привлечь и жадных

взглядов генуэзцев. Они создают на побережье так называемое «капитанство Готии», призванное обеспечить безопасность их каботажного плавания и торговли в Крыму. Князья же Феодоро, чтобы не пустить захватчиков в глубь Таврики, очевидно, построили по соседству с переходившими из рук в руки береговыми крепос-

Таврика XIV—XV вв. (по Е. В. Веймарну и О. Н. Домбровскому). А. Земли татар. Б. Территория генуэзцев. В. Хора (округа) Херсона. Г. Владения Феодоро (Мангупа). Д. Укрепления, захваченные или разрушенные генуэзцами: I. Чембало. II. Ильяс-Кая. III. Кастро-пуло. IV. Кикинеис. V. Панеа. VI. Ялита (Поликур). VII. Никита. VIII. Горзувиты. IX. Ай-Тодор. X. Алустон. Е. Укрепления, направленные против генуэзцев: 1. Камара. 2. Кокня-Исар. 3. Шайтан-Мердвен. 4. Биюк-Исар. 5. Кошка. 6. Учансу-Исар. 7. Палеокастрон. 8. Гелин-Кая. 9. Дегермен. 10. Фуна.

тями свои укрепления. По мнению О. И. Домбровского¹⁷, ничем иным нельзя объяснить появление именно в этот период целого ряда как бы «спаренных» крепостей — Чембало и Камары, Панеа и на горе Кошка, верхней и нижней Ореандских, Горзувитской и Гелин-Кая... Тогда же рядом с Лустой возникло и Фунское, или Демерджийское, укрепление.

Состояние неустойчивого политического равновесия длилось на побережье до тех пор, пока захват полуострова турками не смешал все фигуры на шахматной доске.

Как известно, в 1453 г. турки-османы захватили последний оплот Византии — ее столицу Константинополь. Империя была уничтожена. Это событие имело роковые последствия и для Крыма. Еще в 1447 г. произошло первое нападение турецкого флота на его берега. После овладения проливами, в 1454 г., османская эскадра появилась у Кафы. Перепуганные генуэзские власти согласились уплачивать султану ежегодную дань. Кроме того, они регулярно снабжали турок оружием и другими товарами. Но трагическая развязка оттягивалась не раболепством генуэзцев перед султаном, а тем, что турецкие военные и морские силы были заняты войной с Албанией, Венгрией и Венецией.

Генуэзцы попытались использовать благоприятную ситуацию для укрепления своих позиций. С этой целью они устанавливали более тесные связи с крымским ханом, а с мангупским князем, как говорилось ранее, заключают союз. Естественно, в подобных условиях генуэзские власти не могли допустить, чтобы по вине Гуаско этот союз распался.

Но все хитроумные маневры генуэзцев оказались тщетными. Как только османы заключили перемирие с Венецией, буквально через несколько недель, 31 мая 1475 г., неподалеку от Кафы высадился их десант, поддержанный татарами. Еще через неделю могучая крепость позорно капитулировала. Вслед за ней пали Чембало, Солдайя и другие генуэзские опорные пункты в Крыму.

Единственным противником турок на полуострове осталось княжество Феодоро. В июле 1475 г. турецкие войска осадили Мангуп. В течение пяти месяцев горстка храбрых, женщины и дети героически отстаивали город, отразив пять ожесточенных штурмов. Только полное истощение от голода заставило остав-

шихся в живых сложить оружие. Город был разграблен. Уцелевшие жители вместе с княжеской семьей отправлены в рабство в Стамбул.

Государство Феодоро, а вместе с ними и его вассальные владения перестали существовать.

В результате турецкой агрессии произошло значительное перемещение торговых путей, связывавших страны Востока с Западной Европой. К концу XV в. основной поток азиатских товаров в Европу, а европейских в Азию шел через Египет. Черное же море надолго перестало быть важным районом международной торговли. Поэтому и на всем крымском побережье крупные торгово-ремесленные центры, которые прежде выступали в качестве посредников в международной торговле, теперь потеряли свое значение.

Захват Крымского полуострова турками сопровождался присоединением всего побережья и значительной части юго-западного Крыма к числу коронных владений султана; в то же время Крымское ханство стало покорным его вассалом. Это окончательно превратило Черное море в как бы внутреннее море Османской империи.

С водворением на Южном берегу турок алуштинская крепость теряет свое стратегическое значение и постепенно приходит в упадок. Местные жители, не встречая препятствий со стороны властей, разбирают ее на камень для строительства своих хижин и сараев. И приходится лишь удивляться, что сохранились все же какие-то остатки — руины некогда мощных стен и башен.

Та же участь постигла и другие, менее значительные укрепления, расположенные вокруг Алустана. В подавляющем большинстве их жизнь почти или полностью прекратилась. Одним из немногих исключений была лишь пережившая Алустон Фуна, рассказ о которой — в следующем разделе книги.

Немного ниже Кутузовского фонтана в сторону села Лучистого (б. Демерджи) отходит асфальтированная дорога. Свернем с шоссе и направимся по ней к подножию горы.

Не доходя двух километров до села, у западных скалистых обрывов Демерджи мы увидим развалины небольшого средневекового укрепления. Над остатками его оборонительных стен возвышается полукруглый выступ — так называемая абсида. На этом месте был алтарь крепостной церкви (сохранялась до 30-х годов

нынешнего столетия), а по соседству с ней — жилые постройки, от которых остались лишь развалы камней. На расстоянии около 300 м к северу от укрепления на пологом склоне находятся погребения обитателей крепости и деревни. Перед нами классический средневековый комплекс: поселение, могильник, укрепление. Как и в силу каких обстоятельств сложился этот комплекс?

У ЗАБЫТОЙ ДОРОГИ

Одна из дорог, что шли из степного Крыма к подножию Демерджи, достигнув его, круто сворачивала вправо, чтобы несколько дальше устремиться вниз, к побережью. До него отсюда оставалось не менее трех-четырех часов пути, а здесь бил обильный источник, манила тень раскидистых деревьев. И утомленные трудным перевалом путники предпочитали хорошенько отдохнуть перед нелегким спуском.

Еще тяжелее было тем, кто двигался в обратном направлении: почти полдня отнимал крутой подъем. Измученные люди и животные, добравшись до родника, долго набирались сил, прежде чем преодолеть перевал.

Сразу же за поворотом дороги открывается небольшая уютная долина. Защищенная от холодных северных и восточных ветров крутыми вершинами, с избытком орошаемая водами демерджийского источника, она представляла идеальное место для поселения. Прекрасные природные условия давали возможность успешно заниматься земледелием, особенно виноградарством и садоводством, обилие же сочной травы на склонах гор

и на яйле позволяло содержать здесь крупный и мелкий рогатый скот.

Средневековые поселенцы, освоившие эту долину, как показали археологические находки, имели в своем хозяйстве быков, которые служили обычной тягловой силой. Коровы здесь были местных пород. Они отличались малым ростом, но славились высокой жирностью молока. При раскопках обнаружено множество костей овец и коз, из чего можно заключить, что разведение мелкого рогатого скота составляло основу животноводческого хозяйства поселян. Перевозки грузов осуществлялись чаще всего на двухколесных повозках — арбах, очень удобных в условиях горного Крыма, а также на четырехколесных мажарах, которые могли использоваться только на относительно ровных местах.

Но первыми жителями здешними стали не земледельцы и не скотоводы, и привлекла их сюда не столько уютная долина, сколько ряд привходящих обстоятельств.

В конце VII столетия Крым неоднократно подвергался набегам кочевников-хазар. Оседлое население степных и предгорных районов покинуло плодородные долины, чтобы укрыться в труднодоступных местах горной Таврики. Хозяйство средневекового Крыма снова (через три столетия после гуннского погрома) надолго погрузилось в состояние упадка. Возрождение же его экономики наступило лишь в X—XI вв. благодаря усилению Киевской Руси и расширению ее торговых и политических связей с Византией и Северным Причерноморьем.

Договоры русских князей с византийскими императорами способствовали установлению великого торгового пути «из варяг в греки», проходившего близ крымских берегов, что благоприятствовало развитию торговли и на самом полуострове.

Важные для Крыма последствия имел разгром хазар дружинами великого князя Святослава. Агрессивный хазарский каганат распался, прекратилось и его более чем двухсотлетнее владычество в Крыму. Потомки жителей, бежавших от завоевателей, постепенно возвращались из тесных горных ущелий вниз, на пе-

телища селений своих предков. Началось вторичное заселение речных долин, которое привело к новому расцвету земледелия на полуострове. Это, в свою очередь, оживило торговлю между поселениями долин и поморья. Наконец, поход киевского князя Владимира Святославовича на Корсунь-Херсон в 988 г. (носивший не столько завоевательный, сколько военно-демонстративный характер) завершился браком князя с византийской царевной Анной, сестрой императора. Благодаря этому политическое влияние Русского государства в Крыму еще более упрочилось, окончательно утвердился путь «в греки». По дорогам через горные перевалы на юг, к морю потянулись скрипучие повозки, груженные хлебом, солью, рыбой, а в другую сторону — на север — металлическими изделиями, предметами роскоши и другими товарами.

Выбор в эту пору места для поселения именно здесь, у подножия Демерджи, был не случаен. Он определился прежде всего наличием тут дороги — оживленной, многоголосой. Обосновавшись непосредственно возле важного пути к побережью, обитатели деревни могли рассчитывать на получение доходов от обслуживания проезжих. Можно предположить, что первые поселенцы были искусными ремесленниками — в первую очередь кузнецами, а также шорниками, плотниками.

К началу XIII в. Фуна превращается в большое по тем временам поселение: по письменным источникам, в ней насчитывалось свыше 300 жителей. Располагалась она теперь по обеим сторонам дороги, которая стала как бы главной улицей деревни.

На этой улице, по-видимому, размещались жилища и мастерские, которые обслуживали проезжих. Тут же, у главной дороги, могли быть и мелкие харчевни и постоялый двор, где запоздалые путники находили ночлег. В те времена с наступлением темноты продолжать нелегкий путь в горы решил бы не всякий. На Долгоруковской яйле археологи не раз находили свидетельства вооруженных столкновений — наконечники стрел XIII—XIV вв.

ЛЕГЕНДА О ДЕМЕРДЖИ

Как известно, самый достоверный и объективный источник для историка — это данные, добытые посредством раскопок. Лишь они могут окончательно подтвердить либо опровергнуть правильность сведений, сообщаемых всеми другими видами источников. Однако историк не должен пренебрегать никакими свидетельствами. Иногда самая, казалось бы, фантастическая легенда заключает в себе ценные зерна истины, только надо суметь разглядеть их под слоем небывальщины. Это тоже своего рода раскопки, которые подчас бывают весьма результативны.

Примером может служить анализ легенды о Демерджи.

В далекие времена, говорится в этой легенде, напали на Крым орды узкоглазых кочевников. Насмерть рубились с пришельцами крымчане, дорого отдавая каждую пядь родной земли. И вскоре завоеватели поняли, что не победить им местных жителей, пока не будет у них достаточно железного оружия, не уступающего в прочности крымскому. Враги дознались, что для крымских горцев оружие изготавливали кузнецы из селения под горой Фуна (в переводе с греческого «дымная»). Собрав все силы, кочевники захватили Фуну и устроили на ее вершине гигантскую кузницу, в которой оружие для захватчиков стал ковать свирепый чернобородый кузнец. По его приказанию из окрестных селений стогнали для работы в кузне оставшихся в живых мужчин, однако здесь, на горе, они умирали от голода и непосильного труда.

Чтобы упротить чернобородого уйти с горы и не губить людей, старейшины окрестных селений послали к нему самых уважаемых поселян. Но жестокий кузнец бросил пришедших к нему в огонь, а старейшинам вместо ответа прислал кувшин с их прахом.

Тогда на вершину отправилась дочь одного из старейшин красавица Мария. Чернобородый хотел взять ее в жены, но девушка отвергла его притязания, и он убил ее. Такого злодейства не вы-

несла гора. Задрожала она в страшном гневе и поглотила кузнеца и его подручных, превратив их в каменные изваяния, что торчат ныне столбами в ущелье, будто привидения. Оттого и зовется то ущелье «Долиной Привидений». А в память о Марии, отдавшей жизнь за родную землю, за свой народ, высится на вершине горы скала, напоминающая очертаниями женскую голову.

Со временем забыли люди прежнее название горы — Фуна и дали ей новое имя — Демерджи, что значит в переводе с татарского «кузнец».

На первый взгляд может показаться, что эта легенда представляет собой лишь красивый поэтический вымысел, навешанный причудливыми контурами скал, дикой прелестью окружающей природы, и ничего реального в легенде нет и быть не может. Но это не совсем так. В легенде о Демерджи, как и почти во всякой другой, есть отголосок определенных исторических событий, более того — в данном случае есть даже сведения, отсутствующие в других исторических источниках.

Основой сюжета легенды является борьба местных жителей с проникшими в горы узкоглазыми кочевниками. Из других источников доподлинно известно о вторжениях в Крым целого ряда тюркоязычных (имевших, как правило, характерный разрез глаз) кочевых племен — гуннов, хазар, печенегов, половцев, наконец, татар. Все они далеко не отличались кротостью, а основной целью их нападений был грабеж и порабощение местного населения Крыма. Последнее, естественно, ненавидело захватчиков и самоотверженно им сопротивлялось. Безусловно, в этой неравной борьбе за свободу и независимость принимали участие и женщины, участь которых в случае победы захватчиков бывала страшнее самой смерти.

В легенде говорится о поселении у подножия горы Фуна. Есть основания предполагать, что оно носи-

ло то же название, что и вершина: ведь и в дальнейшем гора и селение именовались одинаково — Демерджи. В поселении, повествует легенда, жили искусные кузнецы. Названия деревни: прежде «Дымная», а затем и вовсе конкретное — «Кузнец» — как нельзя более соответствуют этому сообщению. Забегая несколько вперед, отметим, что письменные источники, о которых речь пойдет дальше, подтверждают предположение о том, что поселение также называлось Фуной. Кстати сказать, эти источники не указывают точного местоположения деревни, и мы можем локализовать ее только благодаря легенде.

Довольно четко рисует нам предание и общественный строй средневекового населения Крыма. Ясно можно видеть, что люди в то время жили еще соседской общиной, управляли ими выборные старейшины. Совет старейшин решал все важнейшие вопросы, причем он был уже органом власти, а не просто собранием уважаемых людей: легенда отличает одно от другого (совет старейшин послал на гору к кузнецу самых уважаемых поселян, которые не обязательно являлись старейшинами). Люди жили свободно, и, видимо, над ними не было власти феодала. Обычный атрибут последней в средние века — наличие военного укрепления, служившего не только резиденцией феодала, но и убежищем для жителей ближайших деревень. В данном же случае предание не упоминает ни укрепления, ни феодала, хотя, если бы они тогда существовали, то это в какой-то степени отразилось бы и в легенде. По всей вероятности, она старше укрепления и той власти, что пришла сюда вместе с этим укреплением.

Из той же легенды мы узнаем, что в занятиях населения важное место занимало кузнечное ремесло — это нашло отражение и в самом названии деревни. Наконец, предание рассказывает о том, что жители поселения Фуны-Демерджи вели мужественную и самоотверженную борьбу против иноземных захватчиков.

Вот сколько интересного и необходимого дал анализ легенды!

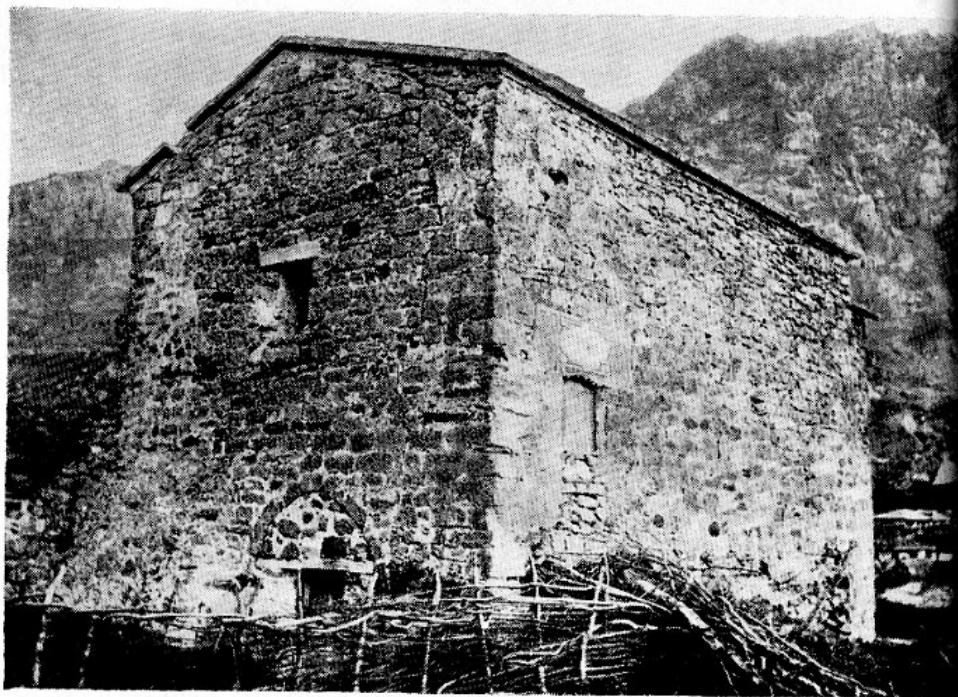
Все эти сведения для историка чрезвычайно важны. Правда, их слишком мало, чтобы воссоздать картину исторических событий, которые происходили в районе Фуны-Демерджи. Это может быть сделано только после тщательного изучения и сопоставления других источников. Тогда наше представление об этом памятнике станет намного шире и полнее в сравнении с тем, что мы узнали из легенды.

НЕ ТАК ДАВНО...

Несмотря на разыскания ученых (прежде всего А. Л. Бертъе-Делагарда^{16,18}), о Фуне известно немного: письменные источники об этом памятнике весьма скудны. Лишь в патрарших грамотах — 1384 г. и других — по поводу препирательства из-за приходов между митрополитами Херсонским (Херсонес с округой), Готским (территория юго-западного предгорья и южного побережья Крыма) и Сугдейским (Судак с окрестностями) в числе спорных деревень упоминается находящаяся возле Алусты Фуна, которую генуэзцы называли Фона. Да еще в совсем уже поздних церковных записях, составленных в 1836 г. путем опроса переселенных из Крыма греков Мариупольского уезда, содержатся сведения, что в деревне Фуна была церковь, построенная в честь святого Феодора Стратилата (Федора-воителя), прославленного воина, жившего при византийском императоре Константине I Великом (IV в. н. э.). Вот, собственно, и все. Ничего принципиально нового из этих документов не следует, но они все же подтверждают

Храм крепости Фуна. Фото А. Л. Бертье-Делагарда. 1889 г.

наши выводы о местоположении селения и его названии, сделанные на основе анализа легенды.

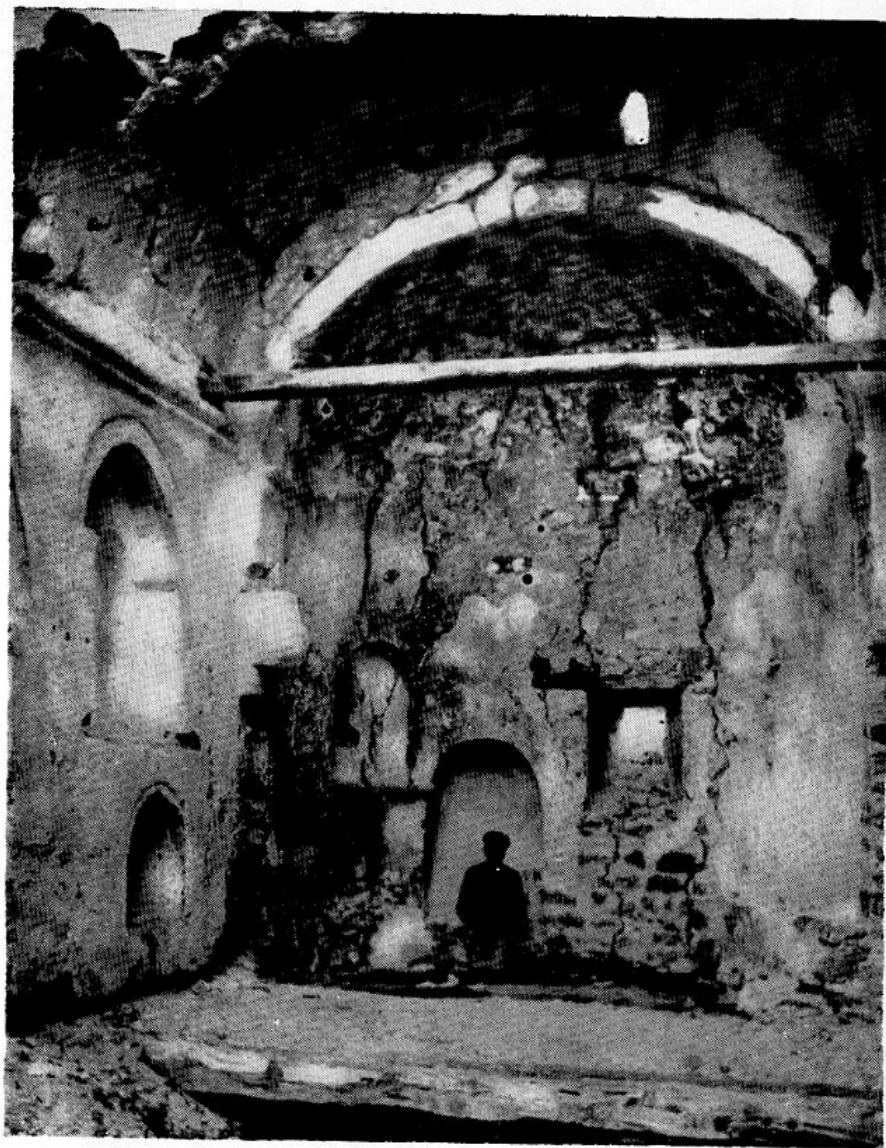
Что же рассказывают о деревне, крепости и могильнике вещественные источники? Для ответа на такой вопрос потребовалось археологическое исследование этого комплекса. Необходимость столь подробного и трудоемкого изучения памятника была вызвана еще и тем, что в последнее время не только остатки крепости и поселения, но даже могильник интенсивно разрушаются — как в результате сельскохозяйственных работ, так и кладочисателями — туристами и жителями села Лучистого.

Однако прежде чем приступить к раскопкам, необходимо было подробно ознакомиться с результатами изучения памятника прежними исследователями. Следовало выяснить, что уже известно о комплексе Фуны, что установлено точно, а что требует дополнительной проверки или подтверждения. В зависимости от этого предстояло наметить направление предстоящих раскопок, определить объем работ.

Большой интерес представляют для нас сообщения П. И. Кеппена², который застал еще в хорошей сохранности церковь, а также следы крепостных сооружений. Петр Иванович Кеппен, известный своей научной добросовестностью, оставил не только общую схему укрепления, но и его краткое описание, сделал подробно комментированные планы обоих этажей, вычертил фасады и разрезы крепостной церкви, которая в первой половине XIX в. была еще совершенно целой. П. И. Кеппен, между прочим, обратил внимание на то, что почти все греческие укрепления и монастыри на южном побережье Крыма отличаются малой величиной. «Это произведения крайней надобности, плоды страха и бессилия», — писал он. Однако демерджийскую крепость П. И. Кеппен выделил из числа остальных, прежде всего благодаря ее стратегическому значению.

Во времена П. И. Кеппена еще заметны были следы двух зданий, расположенных внутри укрепления, и признаки входа в него, который, по мнению автора, защищала башня у восточной стороны ворот. Ученый находил «весьма правдоподобным», что укрепление, называемое им «крепостцей», построено для наблюдения над дорогой через Ангарское ущелье.

П. И. Кеппен отметил также, что «на полуденных скатах» Крымских гор оборонительные укрепления располагались «в систематическом порядке, так что из

Внутренний вид полуразрушенного храма Фуны. Фото П. А. Двойченко. 1911 г.

одной крепостцы нередко видно было вокруг несколько иных мест, таким же образом укрепленных...» К их числу относится и Демерджи.

В. Х. Кондараки³ лишь мимоходом упомянул о находившемся «у подошвы Демерджинской скалы укреплении с храмом над обрывом» и привел схематический набросок «вида» укрепления и церкви. Еще меньше — буквально два слова — сказано об этом памятнике в очерках Евг. Маркова¹.

При реконструкции церкви демерджийского укрепления значительную помощь оказали нам уникальные фотографии внутреннего вида храма, сделанные в 1911 г. профессором геологии П. А. Двойченко. Эти снимки, хранящиеся сейчас в архиве Крымского краеведческого музея, позволили лучше разобраться в некоторых характерных деталях архитектуры церкви. Установлено, например, что церковь использовалась не только в качестве культового сооружения, но и как бастион, входивший в систему обороны укрепления.

Особый интерес представили для нас результаты исследования демерджийского археологического комплекса, полученные А. Л. Бертье-Делагардом^{16,18}. В ряде опубликованных им работ и особенно в его обширном архиве¹⁹, находящемся в фондах Крымского краеведческого музея, свое место занял и этот памятник. Несмотря на то, что А. Л. Бертье-Делагард обследовал его значительно позднее П. И. Кеппена и В. Х. Кондараки, когда сохранность всего комплекса, в том числе и церкви, была хуже не только по сравнению с первой половиной, но и с серединой XIX в., он составил превосходные планы укрепления и церкви, сделал отличные рисунки и фотографии храма и его архитектурных деталей.

Как видим, прежними исследователями было сде-

лано немало. В то же время бросается в глаза, что при изучении этого памятника главное внимание они сосредоточивали на укреплении, почти вовсе упуская из вида остальные, не менее важные части единого исторического комплекса.

Отсюда и вытекала наша задача: провести более широкое археологическое изучение всего комплекса в целом и его окрестностей.

НА РАЗВАЛИНАХ ФУНЫ

От демерджийского поселения, казалось бы, сохранилось немного: обломок церковной абсиды да груды камня — вот и все. Но еще совсем недавно на поверхности земли была хорошо видна его планировка. По развалам камня угадывались даже, притом довольно четко, границы некоторых усадеб. Благодаря этому удалось воссоздать внешний облик деревни.

От центральной улицы в обе стороны отходили узкие и кривые переулки. В них на близком расстоянии один от другого стояли небольшие однокомнатные или двухкомнатные дома. Толщина стен этих жилищ не превышала одного метра, а в пристройках она была и того меньше. Стены возводились из дикого камня, в основном известняка, на глиняном растворе. Крыты были дома черепицей, остатки которой в изобилии извлечены при раскопках. В маленьких двориках теснились хозяйственные пристройки — кухоньки, кладовки, сарай. Последние были настолько малы, что могли использоваться в качестве хлевов для скота лишь в крайних случаях — зимой во время плохой погоды. Очевидно, в них

содержалась главным образом домашняя птица и хранился хозяйственный инвентарь: инструменты, орудия сельского хозяйства и т. п.

Подобная скученность планировки характерна для поселения свободных общинников, вынужденных жаться друг к другу ради экономии земли, пригодной для возделывания. Однако следов оборонительной ограды вокруг поселения, характерной в Крыму для большинства средневековых свободных общин, обнаружить не удалось. Тем не менее характер усадеб и время возникновения деревни позволяют предположить, что население Фуны в первые века ее существования объединялось в свободную или полусвободную общину. Позже, когда появилось укрепление, могло начаться постепенное превращение ее в феодально-зависимое поселение.

Среди остатков жилищ и хозяйственных построек еще до начала раскопок можно было собрать многочисленный так называемый подъемный материал, главным образом обломки всевозможной посуды и черепицы.

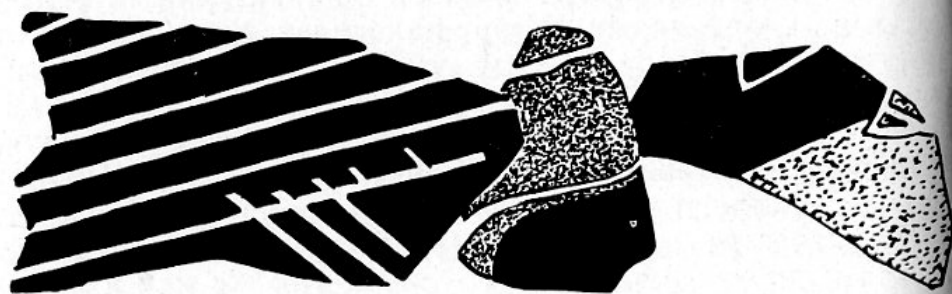
Обломки посуды свидетельствуют о большом ее разнообразии. Для хранения воды, вина и сыпучих продуктов, прежде всего зерна, жители деревни использовали пифосы — вместительные сосуды веретеновидной формы, достигающие порой двухметровой высоты. Нередко пифосы украшались волнообразным орнаментом или поясками в виде валиков с характерными пальцевыми вдавлениями. Узор наносился лишь на верхнюю часть пифосов, потому что они для устойчивости своими острыми днищами были врыты в землю или сидели иногда в специально устроенных каменных углублениях. Пифосы составляли обязательную принадлежность каждого жилого дома.

В качестве тары для перевозки и хранения вина, масла и других жидкостей служили, так же как и в ан-

тичное время, более легкие двуручные сосуды меньших размеров и с плоским дном — амфоры. Высота их колебалась от 0,35 до 0,55 м. Изнутри амфоры покрывались обычно смолой, чтобы не допустить испарения их жидкого содержимого. Многие из фунских амфор были изготовлены в Крыму, в частности на южном и юго-восточном побережье полуострова.

В быту использовались глиняные миски и одноручные кувшины различной формы и величины. Нередко их украшали врезным орнаментом или узором, нанесенным белой краской. Найдены при раскопках и кувшины с носиком на венчике, изредка — с фигурными горловинами. Такие кувшины назывались «ойнохойями», потому что предназначались для розлива вина (по-гречески вино — ойнос).

Парадной была посуда поливная, т. е. покрытая изнутри, а иногда и снаружи, тонким слоем легкоплавкого стекла, закрепленным на глине путем вторичного обжига. Это всевозможные тарелки, миски, небольшие чашечки и кувшины. Полива на них — зеленого, коричневого, светло- или темно-желтого тонов. Кроме того, поливная посуда часто украшалась орнаментом, исполненным врезной линией с подцветкой марганцем или окисью меди. Орнамент представлял собой геометриче-

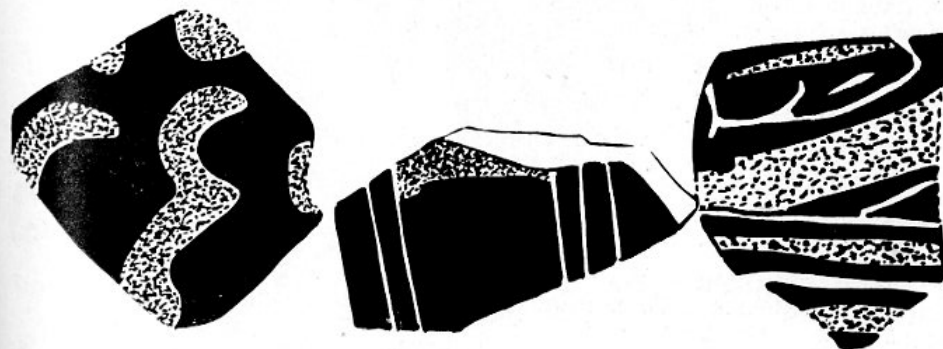

ские или стилизованные растительные узоры. Иногда на такой посуде встречались изображения птиц. В большинстве своем поливная посуда также местного изготовления, однако жители Фуны пользовались и привозной — из Византии и стран Ближнего Востока.

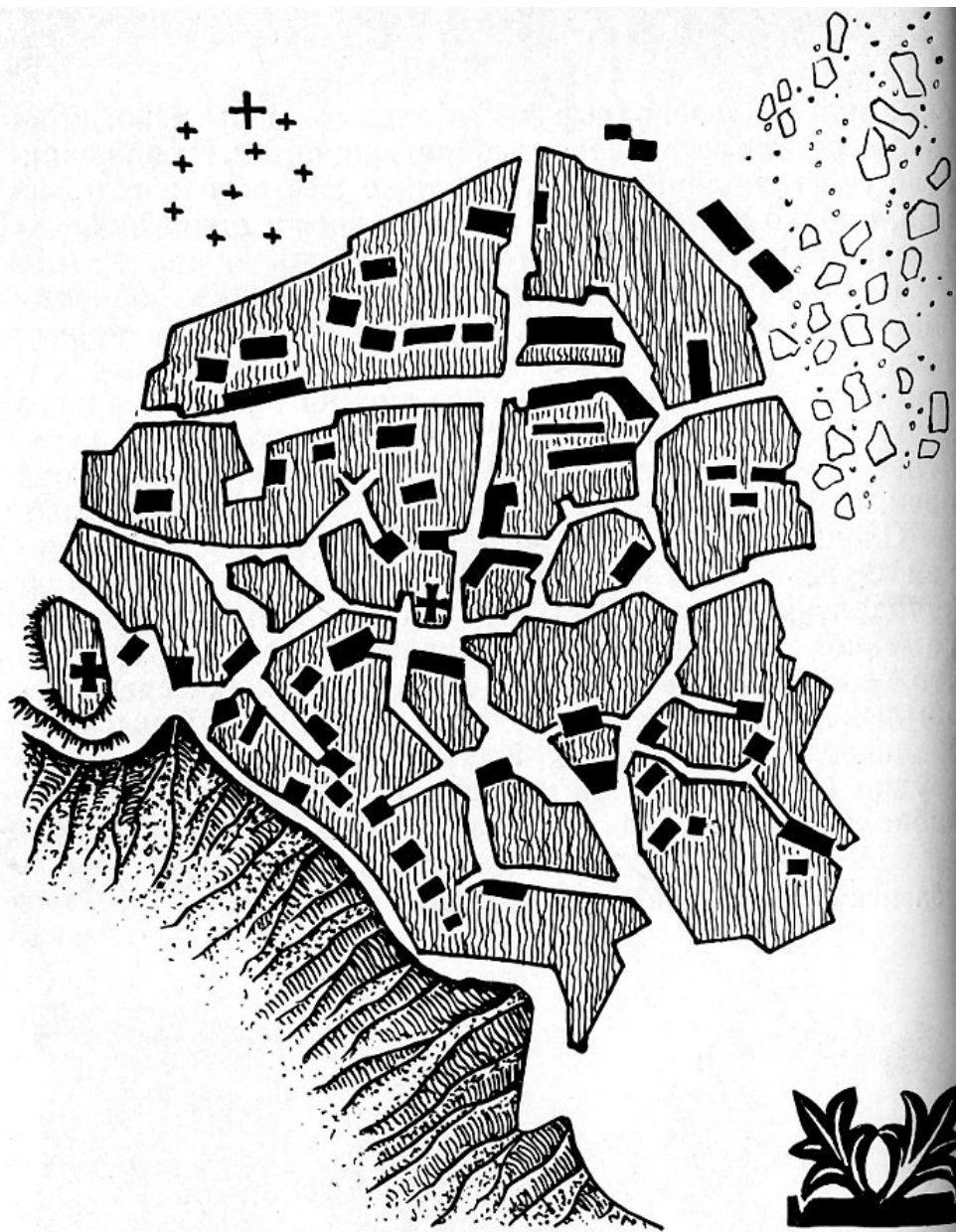
В значительном количестве попадались обломки закопченной кухонной посуды, изредка — куски примитивных лепных сосудов, по-видимому, сделанных самими хозяйками от руки, без применения гончарного круга. Эти сосуды чаще всего плохо обожжены: вероятнее всего, обжиг производился не в специальной печи, а в той же, где варили пищу или выпекали хлеб.

Следы строительной и другой деятельности жителей Фуны обнаружены и за ее пределами. До сих пор неподалеку от прежней деревни сохранились остатки каменной крепи, подпиравшей древнюю дорогу, что вела из селения в горы. Выше источника среди огромных живописных глыб обвала видны руины стен средневекового времени. Каково было их назначение, трудно сказать. Вполне возможно, что они ограждали расположенные здесь когда-то загон для скота.

Обломки средневековой посуды из Фуны.

План археологического комплекса Фуны. Поселение, крепость, могильник.

Кстати, руины эти неопровержимо свидетельствуют о том, что обвал произошел ранее возникновения деревни. Версия о вынужденном переводе селения Демерджи на новое, безопасное место, к югу от прежнего, якобы пострадавшего во время обвала, лишена фактических оснований. В свое время причина эта была изобретена хитрым помещиком, который переселил людей на далекий и менее удобный косогор, а на месте старой деревни, у самого источника, развел сад.

К юго-востоку от древнего поселения, возле Долины Привидений, найден совершенно целый пифос XII — XIV вв., здесь же попадались обломки и других пифосов того же времени. Во многих местах долины можно увидеть одичавшую виноградную лозу. Все это как нельзя лучше подтверждает предположение, что жители Фуны занимались виноградарством и виноделием: виноград, очевидно, давили прямо на месте, а полученное вино тут же хранили в пифосах. Иначе трудно объяснить, почему громоздкий и неудобный для перевозки пифос оказался в горах.

На основе исследования поселения можно с уверенностью сказать, что оно возникло в самом конце X или начале XI в., т. е. в один из переломных моментов крымского средневековья — период освобождения полуострова из-под власти хазар.

Одновременно с возникновением деревни на пригорке к северу от нее появилось и сельское кладбище. С годами оно также расширялось и занимало все большую площадь.

Жители Фуны хоронили умерших в так называемых плитовых могилах, выложенных по бокам тонкими сланцевыми плитами, число которых на фунском могильнике колеблется от 5 до 12. Сверху могилы, как правило, покрывались большими плитами из хорошо отесанного известняка или того же сланца. Количество их было неодинаково, чаще всего от 2 до 5. Дно мо-

гилы камнем не устилалось, и боковые плиты ставились прямо на землю, покрытую войлочной кошмой или плотной тканью. Следы от кошмы и ткани нередко бывали отчетливо видны при раскопках. Покойника клали прямо на эту ткань. Все могилы имели характерную трапециевидную форму, сужаясь к ногам. Длина могил доходила до двух метров, ширина — до 0,55 м, глубина, как правило, была невелика, чаще всего от 30 до 40 см. Исключение составляла лишь одна могила. Ее стены, выложенные из камня в несколько рядов по вертикали, достигали глубины 1 м. По своему характеру она очень близка к могиле из Алутона с золотыми вещами. К сожалению, инвентарь ее нам неизвестен: могила была ограблена еще в древности. Можно лишь предполагать, что это семейное захоронение кого-либо из местной знати.

Мы не случайно сказали, что могила принадлежала семье. Дело в том, что одиночные захоронения в плитовых могилах Фуны крайне редки. Обычно в них от двух до пяти человек.

Ориентация всех без исключения могил — с востока на запад. Погребенные лежали в них по христианскому обычаю — головой к западу. Христианам не полагалось брать с собой на тот свет какие-либо вещи, как это было принято у язычников, поэтому инвентарь могил крайне беден. При раскопках обнаружены главным образом украшения — бронзовые серьги очень простой формы, кольца и перстни да бубенчикообразные пуговицы, модные в те времена. Иногда попадались бронзовые и железные поясные пряжки, бусы из пасты. В одной из могил на груди покойного лежал амулет — бронзовая монета 1360—1361 гг. с просверленным отверстием для подвешивания. Встречались и другие амулеты, распространенные в средневековье, прежде всего раковины

ны каури, обнаруженные и при раскопках Алустонского могильника.

Ношение амулетов — обычай, чуждый христианской религии. Следовательно, даже в период развитого средневековья среди местного населения еще довольно прочно удерживались пережитки языческих представлений. Подтверждением этому могут служить и другие находки, например, обнаруженные в трех захоронениях гончарные глиняные кувшины и такая же кружка. Один из кувшинов был украшен полосами, на-

Средневековая посуда из могильника Фуны.

несенными белой краской. Очевидно, в семьях этих покойников твердо придерживались дохристианского обычая, который предписывал заботиться об усопшем, ибо, уходя в иной мир, он, как и живые, нуждается в воде (или вине) и пище.

При раскопках могильника Фуны не найдено ни одного надгробия с надписью или архитектурными украшениями. Могилы XIII — XIV вв. были отмечены овальными в плане каменными насыпями поверх

закладных плит, присыпанных землей. В одном случае сохранились и два вертикально поставленных камня: более высокий стоял «в головах» погребенных, тот, что пониже, — у ног. Впрочем, как правило, примитивное внешнее оформление могил почти не сохранилось или оказалось сильно разрушенным. Очевидно, в более позднее время (после XV в.), когда христианское кладбище давно перестало функционировать, местные жители использовали камень для строительных нужд.

В центре могильника, напротив крепости, находилась небольшая кладбищенская церковь, настолько миниатюрная по своим размерам, что скорее походила на часовню. Длина ее всего 4,6, а ширина 3,2 м. Алтарная абсида была полукруглой с четко выведенными «плечами», т. е. продолженными в обе стороны от нее частями восточной стены. Как и крепостной храм, кладбищенская церковь представляла собой однокорабную базилику*.

Посередине абсиды возвышался прямоугольный престольный камень из хорошо отесанного известняка, предназначенный для освящения на нем так называемых святых даров, т. е. вина и просфор, употребляемых в обряде причащения. Высота камня 0,60, длина 0,40 и ширина 0,25 м. Дверной проем церквушки был расположен не в западной стене напротив алтаря, как принято в большинстве христианских храмов, а в южной, точнее — в юго-западном ее углу. Ширина проема 0,62 м. Надо сказать, что местоположение проема в южной стене, повторяющееся также и во втором этаже крепостной церкви, вообще характерно для многих храмов Южного берега Крыма. По своим пропорциям и фор-

* Базилика — здание вытянутой прямоугольной формы, рассчитанное продольными рядами колонн на три или пять отделений (трех- и пятикорпусная базилика) или без членения (однокорабная).

мам кладбищенская церковь Фуны также близка большинству этих храмов.

Пол церкви был вымощен плитками сланца, крыша вместо черепицы покрыта также сланцевыми плитами. Стены храма украшала некогда фресковая роспись, о чем красноречиво говорят многочисленные обломки разноцветной штукатурки красного, зеленого, желтого и других цветов, обнаруженные при раскопках. К сожалению, из-за плохой сохранности фресок определить их характер не представилось возможным.

Чрезвычайно малые размеры церкви свидетельствуют о том, что предназначалась она главным образом для отпевания покойников, но отнюдь не для проведения повседневных и многолюдных богослужений. Церковные службы для большого числа прихожан совершались в храме, расположенном поблизости укрепления.

Под полом церкви оказались три захоронения, по форме точно такие же, как и все остальные на могильнике. Исключение составляет лишь одно, когда умерший был втиснут в промежуток между покровными плитами двух других могил. По всей вероятности, это захоронение связано со стремлением сделать его незаметно и как можно быстрее. Подобное же погребение мы обнаружили при исследовании могильника и снаружи храма. Такая поспешность и желание предать покойника земле незаметно наводят на мысль, что захоронения эти производились в какие-то трагические для Фуны часы, когда не было ни времени, ни возможности совершить установленный погребальный обряд, а общественное положение умерших не позволяло оставлять их даже на некоторое время без погребения (возможно, под угрозой осквернения праха).

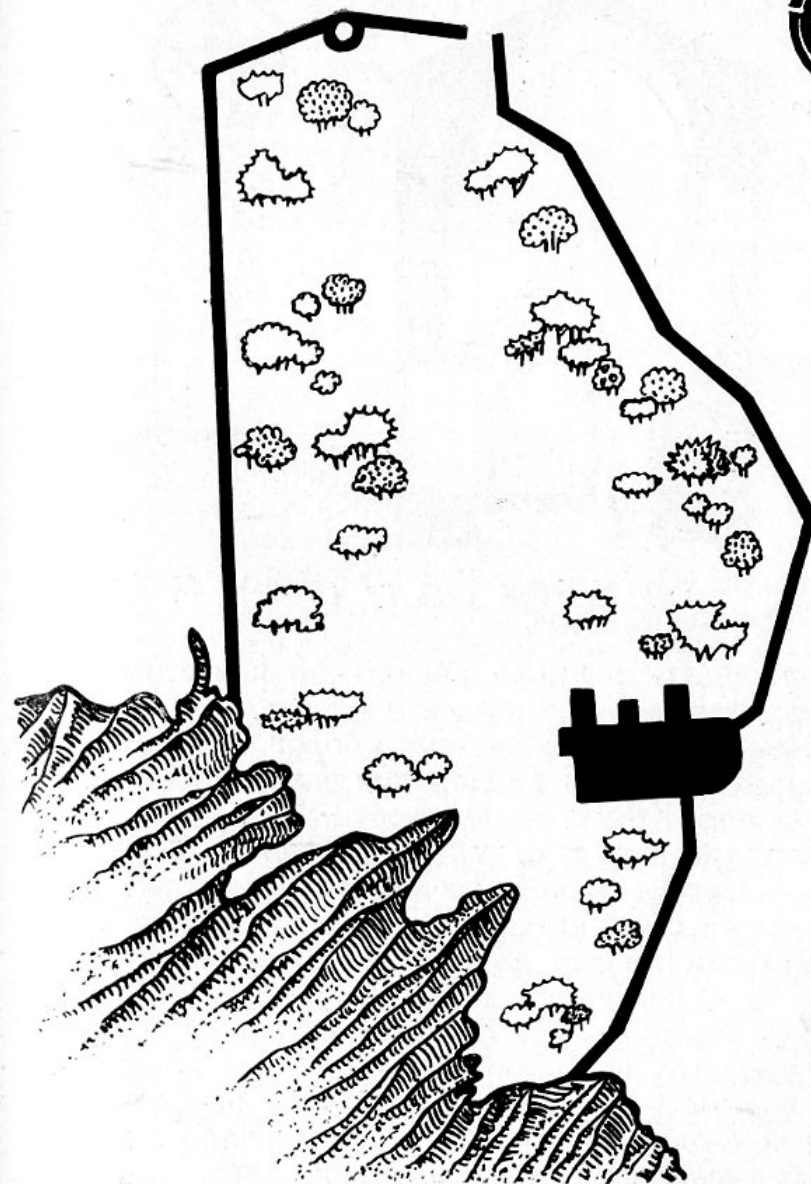
Чем же вообще можно объяснить захоронения внут-

ри кладбищенской церкви Фуны? Хорошо известно, что в средние века богатые христиане часто в качестве семейных усыпальниц возводили храмы. Возможно, усыпальницей являлась и эта церковь. Правда, внутри храмов нередко и в те времена, как и позже, хоронили священнослужителей. Однако семейный характер могил, имевших в фунской церквушке не только мужские, но и женские и детские погребения, говорит об их чисто светской принадлежности.

Церковь существовала в XIII — XV в. По-видимому, к тому времени произошло уже значительное имущественное расслоение жителей деревни. Однако небольшие размеры храма, бедность постройки, когда экономилась даже кровельная черепица, скромность погребений, не отличавшихся от остальных на могильнике ничем, кроме местоположения, — все это указывает на ограниченность средств даже у наиболее зажиточных обитателей Фуны.

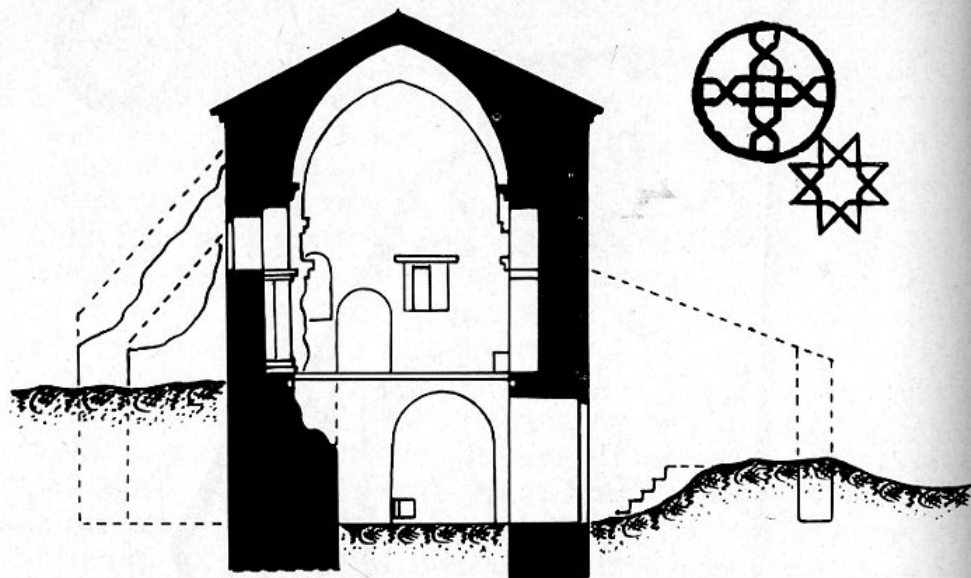
Демерджийская крепость расположена западнее поселения, в месте, очень удобном для контролирования дороги, проходившей у самых стен крепости. По размерам укрепление невелико. Длина его с севера на юг равна 106, а ширина с запада на восток всего 57 м. С западной стороны укрепление ограничено крутыми, обрывистыми скалами, делающими его здесь совершенно неприступным. С остальных трех сторон оно было окружено мощными оборонительными стенами.

Остатки стен укрепления сохранились на высоту около четырех с половиной метров. Толщина их на этом уровне доходит до 1,85 м, у основания же стены значительно шире. Над ними возвышался почти на 5 м нижний этаж алтарной абсиды двухэтажного крепостного храма, входившего в систему оборонительных сооружений. Таким образом, если даже стены крепости не

План крепости Фуна.

Поперечный разрез храма Фуны (вид на алтарь). Архитектурный обмер А. Л. Бертье-Делагарда.

превышали нижнего этажа абсиды, то и в этом случае их высота достигала почти десяти метров.

Включение церквей в систему оборонительных сооружений характерно для феодальной эпохи вообще и для средневекового Крыма в частности. Подобные храмы-бастионы встречаются во многих оборонительных комплексах — Эски-Кермене²⁰, Сүйрени²¹, Мангупе²² и других. Храмы на оборонительных стенах или башнях знала вся Византия, в том числе и ее крымский форпост — Херсонес²³. Напоминает в этом Фунская крепость и знаменитую Хотинскую²⁴. Включение церкви в систему обороны известно на Балканах²⁵ и в ряде других мест. Так что и в этом отношении укрепление не представляло собой чего-либо необычного и не выделялось из числа остальных укреплений своего времени.

Строители крепости предвидели возможность скоп-

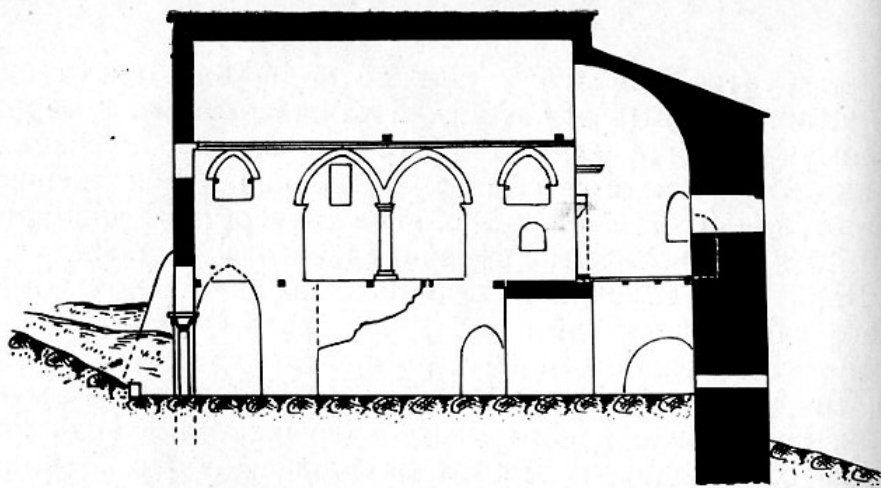
ления грунтовой влаги у нижней подпорной части стены. Чтобы удалить эту влагу, а также вывести с территории укрепления наружные сточные воды, они создали специальную систему сброса. В нижней части крепостной стены видно прямоугольное отверстие размером $0,40 \times 0,30$ м, которым заканчивалась эта система.

Ворота укрепления находились, по всей вероятности, в его северо-восточном углу, у дороги, огибающей в этом месте крепость и спускающейся далее вниз к морю. Во время раскопок 1966 г. ворота обнаружены не были. Но именно в этом месте прерывается кладка стены, которая в других местах довольно хорошо сохранилась. Кроме того, и сам рельеф северо-восточной части укрепления наиболее удобен для устройства въезда с дороги на территорию крепости. Да, собственно, он больше нигде, кроме этого места, и невозможен. Следует сказать, что А. Л. Бертье-Делагард также именно в данном месте предполагал местоположение крепостных ворот.

Благодаря работам прежних исследователей, а также небольшим раскопкам, произведенным для установления даты храма, мы можем рассказать о нем многое.

Крепостная церковь была одноабсидной, с коробовым, т. е. цилиндрическим, сводом и арками—стрельчатыми и килевидной формы, напоминающей перевернутое днище судна в разрезе. Наличники окон с внешней стороны украшал резной орнамент так называемого сельджукского стиля, характерного для Малой Азии периода развитого средневековья. Длина постройки 15, ширина 10,4 м. Ориентирована она, как и все христианские храмы, с запада на восток.

Нижний этаж церкви служил «по совместительству» одним из опорных бастионов крепости. Для церковных

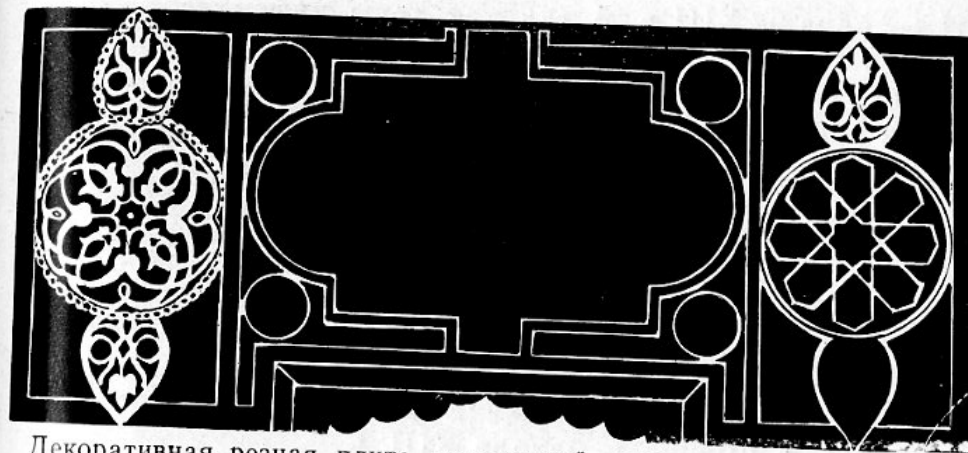
Продольный разрез храма Фуны (вид на северную сторону). Архитектурный обмер А. Л. Бертъе-Делагарда.

служб предназначался только верхний, второй этаж. Здесь по бокам вдоль стен располагались небольшие колонны, увенчанные капителями с сильно геометризованными листьями аканфа* — типичный и широко распространенный поздневизантийский вариант коринфской капители.

Зарисовку одной из них оставил А. Л. Бертъе-Делагард. Подобная же капитель найдена во время раскопок 1966 г. в кладке западной стены церкви. Таким образом, она была использована вторично, но уже не в качестве украшения, а как строительный камень при перестройке церкви.

Храм имел два входа. Один был устроен в западной стене, по его сторонам стояли невысокие, всего 1,2 м, восьмиугольные колонны диаметром 0,46 м с капителями. Этот вход вел на первый этаж, в каземат, где

* Аканф, или акант, — растение с красиво изогнутыми зубчатыми листьями, послужившими прообразом одноименного декоративного мотива в античной и средневековой архитектуре.

Декоративная резная плита над южной дверью храма.

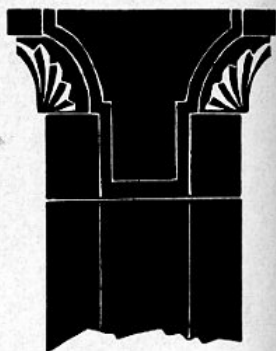
хранились оружие и боеприпасы, а во время боя находились воины. Из каземата по внутренней лестнице можно было подняться на второй этаж здания, в собственно церковь. Туда вела также и другая дверь, расположенная на уровне второго этажа в южной стене, близ юго-западного ее угла. К двери этой снаружи храма были пристроены ступени. Наличник ее венчала большая каменная плита со сложным и красивым орнаментом, варьирующим восточные—малоазийские—декоративные мотивы.

При раскопках мы обнаружили большое количество средневековой черепицы и обломки гончарной и поливной посуды. Процент обыкновенной, бытовой посуды по сравнению с керамикой, собранной на поселении, совсем незначителен. Это косвенно указывает на то, что здесь, в каземате, постоянно не проживали. В церкви же в основном использовалась более дорогая, парадная посуда.

Судя по находкам и ряду других признаков, возникновение крепостной церкви можно отнести к концу

XII — началу XIII в. А так как храм являлся составной частью укрепления, то и его строительство приходится на это же время. Однако Фунская крепость появилась, с одной стороны, как результат дальнейшего процесса феодализации в Крыму, а с другой, — как следствие сложившейся на полуострове военно-политической обстановки. Последняя же позволяет с большей или меньшей вероятностью предположить, что крепость сооружена не в конце XII, а именно в начале XIII в. Таким образом, здесь мы имеем своего рода «обратную связь»: анализ исторических событий помогает нам уточнить данные археологического исследования.

Капитель колонны главного входа в храм.

В результате раскопок в западной части храма удалось выяснить одну интересную подробность. Оказывается, церковь уже после XV в. перестраивалась. При этом южная и северная стены были укорочены, а западная, которую пришлось в связи с этим перекладывать заново, утолщена. Кроме того, северная укреплена тремя контрфорсами, а к южной добавлена пристройка, назначение которой пока неясно и может быть определено лишь после специальных раскопок. Очевидно, в результате уменьшения размеров церкви две колонны с капителями стали «свободными» и их использовали в других целях. Как мы уже отмечали, одна из них оказалась в кладке западной стены.

Уменьшение размеров церкви можно связать с ее возобновлением после каких-то разрушений, быть может, повлекших за собой разгром укрепления и уменьшение числа прихожан. Подобные явления могли иметь

место уже после гибели Мангупского княжества — последнего оплота христиан в Крыму.

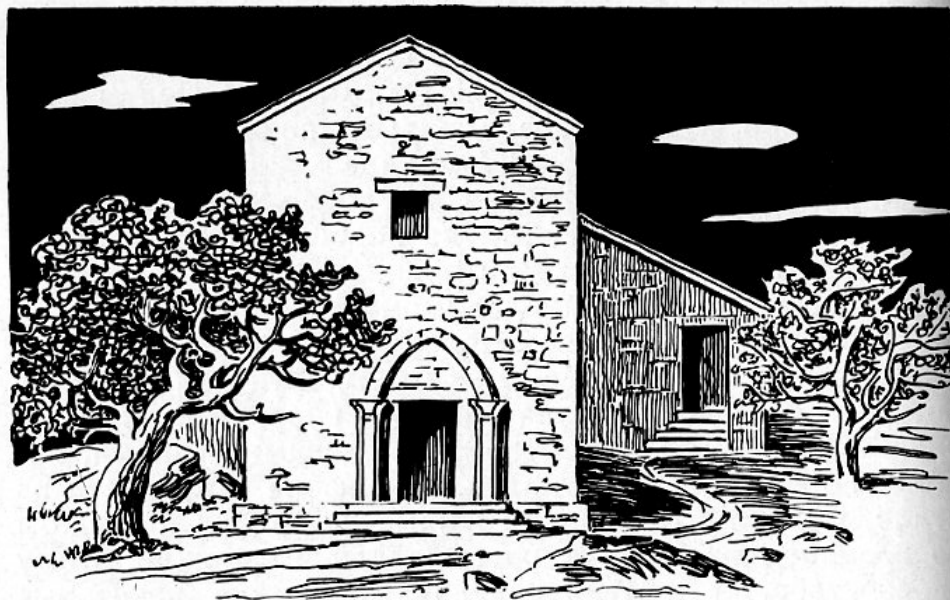
В 1475 г. военные действия Османской Порты против Феодоро и генуэзцев сопровождались взятием и разгромом многих крепостей и укрепленных поселений. В их числе оказалась и Фуна. Расположенная в стратегически выгодном месте, откуда хорошо видна вся прилегающая к Алустану территория, как с суши, так и с моря, она была взята, по-видимому, одной из первых.

С уничтожением княжества Феодоро и установлением власти султана над всем Крымом Фунская крепость потеряла свое военное значение. Ее оборонительные сооружения, видимо, частично разрушенные турками, постепенно приходили в упадок. Гарнизона в крепости не стало, и покинутые людьми жилые постройки и службы со временем ветшали и рассыпались. Возможно, этому способствовали жители селения, используя некоторые части крепостных зданий при постройке своих жилищ.

Турки, утвердив со страшной жестокостью свою власть над Крымским полуостровом, включили в состав собственно султанских земель только прежние генуэзские и мангупские владения. Из них они образовали несколько кадылыков, подчиненных наместнику султана в городе Кефе (Феодосия). Остальные районы полуострова отошли к Крымскому ханству, которое стало с этого времени вассалом Османской империи.

В отличие от татар, турецкие завоеватели, как правило, не вмешивались в дела местного населения, требуя лишь исправной уплаты налогов и соблюдения установленных ими порядков. Поэтому через некоторое время на территории кадылыков положение относительно стабилизируется. К своим очагам возвращаются скрывавшиеся в горах беглецы.

В XVI в. начинается, хотя и очень медленно, восстановление экономики Крыма. Растет его население, возрождаются прежние христианские епархии и приходы, в том числе и фунский. Но, конечно же, число прихожан теперь уступает прежнему. Поэтому некоторые храмы так и стоят разрушенными, другие же, как в Фуне, при реставрации уменьшаются в размерах.

Западный фасад храма.

После перестройки общие размеры церкви по наружному обмеру равны $15 \times 10,4$ м, сохранившаяся высота алтарной абсиды, как уже говорилось, достигает 5 м. Учитывая, что толщина стены у верхнего края абсиды равна 2,25 м, т. е. на 0,4 м больше, чем у самого основания оборонительных стен, а стена абсиды, как и другие, к основанию расширялась, можно сделать вывод, что крепостная церковь была одним из самых мощных участков обороны укрепления.

У входа в храм и вдоль всей его западной стены, противоположной алтарю, обнаружена вымостка из крупного камня. Возможно, сооружение ее связано с тем, что во время больших праздников церковь не могла вместить всех прихожан и часть их оставалась снаружи.

На территории укрепления было несколько крупных строений. Основание одного из них раскопано в 1964 г. Границы других в настоящее время угадываются слабо. У места предполагаемых ворот заметны очертания круглой башни, некогда, по-видимому, охранявшей подступы к ним. Но окончательно вопрос о назначении, расположении и планировке строений внутри крепости может быть выяснен лишь в результате дополнительных археологических исследований.

Наличие внутри укрепления довольно большой и хорошо укрепленной церкви позволяет предположить, что на этом месте был некогда монастырь.

Действительно, в средние века с их феодальными усобицами, когда алчные сеньоры совершали разбойничьи нападения не только на соседей и родственников, но не щадили и святых обителей, монастыри, как правило, превращались в укрепления, подчас довольно мощные. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитый своей героической обороной от польско-литовских феодалов в 1612 г. Троице-Сергиев монастырь, могучие бастионы которого выдержали не один штурм иноземных захватчиков. В Крыму такими укрепленными монастырями, хотя и значительно меньших размеров, были Панеа, Ильяс-Кая, на Ай-Тодоре, на Аю-Даге.

С другой стороны, окончательно утверждать, что Фунская крепость представляла собой укрепленный монастырь, тоже нельзя. Против такого утверждения можно выдвинуть не меньше аргументов, чем за него. Прежде всего, слишком уж стратегически удобно она расположена. Пожалуй, для основания монастыря больше подходило бы место несколько в стороне от дороги, не к западу, а скажем, к северо-востоку от селения, неподалеку от родника. Что это не монастырская, а приходская церковь, писал П. И. Кеппен, и даже во времена А. Л. Бертье-Делагарда еще живы были воспоминания о том времени, когда церковь действовала как сельская приходская. Более того, А. Л. Бертье-Делагард

приводит грамоту патриарха Нила от 1384 г., из которой мы узнаем о существовании «прихода Фуны», наконец, об этом же говорит и приведенное ученым имя одного из владельцев замка.

Правда, из письменных данных вовсе не следует, что демерджийское укрепление искони было светским феодальным владением, ибо оно вполне могло стать светским из духовного. На наш взгляд, второе предположение предпочтительнее.

Однако вопрос этот решается не вдруг: необходимо сперва накопить побольше местного сравнительного материала.

Известно, что средневековая церковь оказывала сильнейшее влияние на всю экономическую и политическую жизнь своего времени. Светские феодалы не смогли бы удержать народ в повиновении одной силой оружия, без соответствующей идеологической «обработки», которой занималась в основном церковь. Служитель церкви являлся в такой же мере и служителем феодала, а тот, как правило, не жалел средств на благоустройство храма. Духовные «пастыри» сами в той или иной степени выступали в роли феодалов. Церковь владела землями, на которых работали зависимые от нее крестьяне. Монастыри обзаводились своими укреплениями и во многом походили на феодальные замки.

На территории каждой средневековой крепости, будь то укрепленный монастырь или княжеский замок, непременно находилась церковь, более или менее значительная по размерам. Феодала, его семью и приближенных вполне устраивала небольшая капелла. Эпоха феодализма и породила этот тип храма, предназначенный не для массы верующих, а для небольшого круга избранных лиц.

В конкретных условиях византийской провинции, далекого и небогатого захолустья, каким была тогда Таврика, церковь у подножия Демерджи могла бы считаться большой и роскошной (сравните ее хотя бы с бедной кладбищенской церковью той же Фуны). Лишь при дальнейшем исследовании, когда удастся окончательно определить топографию и архитектуру крепости, местопо-

жение крепостной церкви относительно других строений, характер последних, а также соотношение размеров и архитектуры этой церкви и церквей других укреплений Таврики, можно будет в конечном итоге судить о том, что такое Фуна — монастырь или замок светского феодала.

Что же случилось потом с Алустоном и Фуной?

Алуштинская крепость, в средние века — твердыня и оплот Южнобережья, давно уже стала руиной. Почти полтора тысячелетия отделяют нас от того времени, когда Прокопий, придворный византийский историк, отметил ее в числе сооружений, ознаменовавших блистательное царствование Юстиниана I.

Грудой камней стало и укрепление Фуны. Исчез под ними парадный двор с монументальными зданиями и двух-

* Начальные слова известного латинского изречения: «sic transit gloria mundi (gloria urbis)» — «так проходит земная слава» (или: «так проходит слава городов»).

этажной церковью, построенной не то в романском, не то в армяно-малоазийском стиле, со стрельчатыми арками и узорной резьбой по камню.

Расколотая временем башня угрюмо возвышается среди построек современной Алушты, а там, где некогда была «дымная» Фуна с ее многолюдьем, кузнецами, харчевнями, лавками и жилыми домами, взору открывается ныне одинокий обломок церковной абсиды, повисший над большим молодым садом у глухой дороги на яйлу. Только это и говорит теперь о былом, позволяет археологам мысленно восстановить далекое прошлое.

Борьба захудалых сеньоров Гуаско с господами Феодоро за земли и овчарни Лусты, сложные и хитрые маневры консулов банка св. Георгия вокруг соблазнительного для Генуи крымского «поморья», сопротивление им со стороны мангупских князей, двуличная политическая игра крымского хана — все это было. Были и кровавые столкновения враждующих сторон, накал острой политической борьбы, кипение людских страстей. И все это кончилось ничем, вернее — долгим, беспросветным игром Оттоманской Порты.

Дальнейшая история Алустона и Фуны темна.

Известно только, что в 70-х годах XVIII в., когда русское правительство предприняло переселение христиан из Крыма в Малороссию, почти все обитатели Лусты и Фуны, не принявшие к тому времени магометанства, были выдворены из родных своих мест. Из Фуны добралось в Приазовье лишь 190 душ, остальные перемерли в пути. На новом месте (неподалеку от Мариуполя) они поселились совместно со своими прежними соседями, выходцами из Лусты и прилегающих деревень. Со временем там образовалось новое большое село, которое за свои размеры и зажиточность получило пышное название Константинополь.

В полуопустевших Лусте и Фуне поселились южно-бережные татары (омусульманенные потомки средневековых греков), и с тех пор одна стала именоваться Алуштой, другая — Демерджи. Последняя и была позже переведена помещиком на новое место, туда, где находится ныне село Лучистое.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ¹ Евг. Марков. Очерки Крыма, СПб, 1872.
- ² П. Келпен. Крымский сборник (О древностях южного берега Крыма и гор Таврических). СПб, 1837.
- ³ В. Х. Кондаракис. Универсальное описание Крыма. СПб, 1875, ч. 15.
- ⁴ История Византии, М., 1967, т. I — II.
- ⁵ Procopii Caesariensis De aedificiis. На русск. яз.: Прокопий Кесарийский. О постройках. Перевод С. П. Кондратьева. Вестник древней истории, № 4, 1939, стр. 249 и сл.
- ⁶ Отчет об археологических раскопках в Алуште (1950 г.). Архив Крымского отдела Института археологии АН УССР.
- ⁷ Ю. С. Асеев. Архітектурно-археологічні дослідження в Криму. Вісник Академії архітектури УРСР, № 3, 1957, стор. 25.
- ⁸ А. А. Спицын. Бухарский клад и Мономахова шапка. Известия императорской Археологической комиссии, вып. 29, СПб, 1909, стр. 73—81.
- ⁹ Е. Ч. Скржинская. Новые эпитафические памятники средневекового Крыма. В сб.: «История и археология средневекового Крыма», М., 1958, стр. 156—165.
- ¹⁰ В. Ф. Миллер. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. Труды Московского императорского археологического общества, т. XII, 1888.
- ¹¹ Отчет Южнобережного археолого-топографического отряда (1969 г.). Архив Крымского отдела Института археологии АН УССР.
- ¹² Н. И. Репников. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. Известия императорской Археологической комиссии, вып. 30, СПб, 1909, стр. 101—103.

- ¹³ П. Сумароков. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду, ч. II, СПб, 1805, стр. 216 и сл.
- ¹⁴ М. А. Фронджоло. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму. В сб.: «Археологические исследования средневекового Крыма», Киев, 1968.
- ¹⁵ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в восточном Крыму. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК), вып. 54, М., 1954; Средневековые гончарные печи в районе Судака. КСИИМК, вып. 60, М., 1955; Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), № 168, Л., 1970, стр. 26.
- ¹⁶ А. Л. Бертье-Делагард. Каламита и Феодоро. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 55, Симферополь, 1918.
- ¹⁷ О. И. Домбровский. Средневековая Таврика — крымская «Готия». В кн.: «Дорогой тысячелетий», Симферополь, 1966, стр. 60 — 61.
- ¹⁸ А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 57, Симферополь, 1920.
- ¹⁹ Архив Крымского краеведческого музея. Фонд Бертье-Делагарда, д. 14, л. 31, 32.
- ²⁰ Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции). В сб.: «История и археология средневекового Крыма», М., 1958, стр. 20 и сл.
- ²¹ Е. В. Веймарн, Н. И. Репников. Сюйренское укрепление. Известия Государственной академии истории материальной культуры, т. 117, Л., 1935, стр. 120 и сл.
- ²² Е. В. Веймарн. Разведки оборонительных стен и некрополя. МИА, № 34, Л., 1953, стр. 427.
- ²³ В. Ф. Гайдукевич. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия. МИА, № 34, Л., 1953, стр. 229 и сл.
- ²⁴ Б. О. Тимошук. З минулого Хотинської фортеці. Український історичний журнал, № 3, 1963, стор. 104—105.
- ²⁵ А. Дероко. Средньовековни градови у Србији, Црној Гори и Македонији. Београд, 1951, стр. 83, рис. 85; O. Valescu. Castelul de la Hunedoara. Bucuresti, 1968, план II, III, IV.

СОДЕРЖАНИЕ

Алустон	6
Старая башня	7
Прокопий свидетельствует	11
Археологи на новостройке	14
Вокруг Алустана	30
Луста и ее соседи	46
 Фуна	 54
У забытой дороги	55
Легенда о Демерджи	58
Не так давно...	61
На развалинах Фуны	66
 Sic transit...	 88
Литература и источники	91

Константин Константинович Когонашвили
Ольга Александровна Махнева

АЛУСТОН И ФУНА

Серия «Археологические памятники
Крыма»

Редактор С. К. Сосновский
Художник Н. Г. Чайка
Художественный редактор В. В. Купчинский
Технический редактор Д. С. Секиринский
Корректор С. А. Павловская

Сдано в набор 3.XII 1970 г. Подписано к печати 18.III 1971 г. БЯ 01737. Бумага 70×108¹/₃₂. Объем: 3,0 физ. п. л., 4,2 усл. п. л., 4,32 уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № 259. Цена 36 коп.

Издательство «Крым», Симферополь, ул. Горького, 5. Типография издательства «Таврида» Крымского обкома КП Украины. Симферополь, проспект Кирова, 32/1.

СЕРИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА»

Это книги о древностях первобытного, античного и средневекового Крыма, об исследовании их учеными при участии крымских краеведов, добровольцев и энтузиастов археологических экспедиций.

Специалисты-археологи покажут как бы поднятые из праха столетий древние стоянки и поселения, убежища и городища, античные и средневековые города, замки, монастыри. Страницы написанных ими книг воскресят в живых конкретных чертах далекое прошлое нашего края.

В 1971—1972 гг. выйдут из печати:

В. Драчук. Шаг в неведомое.

О. Домбровский. Крепость в Горзувитах.

А. Щепинский, Е. Черепанова. Степные курганы.

Л. Фирсов. Чертова лестница.

О. Махнева. Столица феодоритов.

Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу: Симфе-
рополь, ул. Горького, 5, изда-
тельство «Крым».

К ЮГО-ЗАПАДУ
ОТ
АЛУСТОНА

36 коп.

